

Белгородский государственный университет

Н.Н. Болгов

**ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Учебное пособие

Белгород 2009

**ББК 63.3 (0) 3
П 78**

Печатается по решению
кафедры всеобщей истории БелГУ

Рецензенты:

к.и.н. А.И. Папков,
к.и.н. Е.В. Литовченко.

Издание подготовлено за счет средств внутривузовского гранта БелГУ 2009 г. и программы «Развитие научного потенциала высшей школы».

П 78

Поздняя античность: история и культура. Учебное пособие для студентов исторических факультетов. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2009. – 88 с.

В центре книги – общий очерк позднеантичной эпохи (IV-VI вв.) – одной из наиболее сложных исторических эпох, понимание которой в последнее время значительно изменилось.

Книга может быть полезной студентам-историкам, магистрантам, а также всем, кто изучает проблемы античной истории, археологии и истории искусства.

П 78

© Н.Н. Болгов, 2009

Оглавление

Введение.....	4
Часть 1. ОБЩИЙ ОЧЕРК ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ	6
§ 1. Сущность и специфика позднеантичной эпохи	6
§ 2. Набор признаков-элементов позднеантичной цивилизации	9
§ 3. Проблема гибели позднеантичного общества и общие проблемы гибели цивилизаций	13
§ 4. Динамическая модель континуитет – дисконтинуитет (старое и новое)	14
§ 5. Краткий очерк экономики	16
§ 6. Очерк социальной структуры позднеантичного общества	20
§ 7. Культурно-идеологические процессы. Религиозный переворот IV века	23
§ 8. Варваризация	26
§ 9. Мироощущение и ментальность в эпоху поздней античности.....	29
Часть 2. ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИТОГ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	33
§ 1. Доминат и его историческая эволюция	33
§ 2. Общая концепция позднеантичной государственности	36
§ 3. Политическая теория поздней античности	46
§ 4. Политика позднеантичного государства: принципы и направления ..	48
§ 5. Феномен имперской государственности	49
§ 6. Периферия империи и клиентские государства	52
§ 7. Роль личности в позднеантичном государстве	64
Заключение.....	68
Список литературы	69
Приложения.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Начиная в 1991 г. работать над кандидатской диссертацией, посвященной позднеантичному Боспору, возникла естественная необходимость дать общий очерк того, чем являлась поздняя античность. Тогда же началась разработка этой темы, которая со временем просто поглотила своей необъятностью. В диссертацию, защищенную в 1994 г., эта «первая глава» не вошла. Не попала она и в докторскую диссертацию 2003 г. о континуитете между античной и византийской эпохами в Северном Причерноморье. Однако, отсюда вырос и отпочковался ряд самостоятельных проектов, таких как переводы произведений авторов этой эпохи (Зосим, Комит Марцеллин, Корипп, Сидоний и др.), историографические обзоры, исследование античных основ ментальности людей этого переходного времени, позднеантичная и ранневизантийская культура, человек поздней античности и Ранней Византии и др.

Наконец, теоретическое осмысление новых подходов к этой эпохе (зародившихся в Англии в 70-е гг.), появление ряда публикаций в России подхлестнули желание обобщить, наконец, свое видение позднеантичной эпохи, чтобы двигаться дальше в изучении отдельных ее аспектов. Так круг замкнулся, и материалы, собранные еще в начале 90-х гг., получили вторую жизнь, подвергшись самой серьезной переработке.

Изучение постклассического мира представляет собой комплекс невероятно сложных проблем. Эпоха хорошо обеспечена письменными источниками, которые плохо введены в научный оборот и далеко не нашли еще своего места в подлинной истории мировой культуры.

Уход от понимания этой эпохи как времени упадка, декаданса, и выявление в ней самоценных черт – одна из основных задач нашего исследования.

«Переходный период» между античной и византийской эпохами непомерно затянулся. Его в широких рамках заключают между концом III в. (установление политического режима домината) и началом VII в., когда последовал крах этой политической системы и арабские завоевания, оставившие от Византии менее половины прежней ее территории. Основными вехами на этом пути были, конечно, принятие христианства, растянувшееся на большую часть IV столетия, а на периферии захватившее и конец VI в.; политический раздел и последующее культурное размежевание латинского Запада и греческого Востока; церковные споры, борьба с ересями и выработка основ христианской теологии. Наконец – это процесс культурных изменений, выразившийся в рождении христианского искусства, обретении им канонических внешних форм, влиянии на это искусство классического.

По ряду параметров можно выделить это переходное время в самостоятельную историческую эпоху, в комплексе взаимодействия всех составляющих ее факторов, какими бы разнонаправленными они ни были. В наши дни концепция позднеантичного или постклассического мира завоевывает все больше и больше сторонников. И основным ее содержанием является отнюдь не новая идея континуитета – качественной преемственности между античной и византийской эпохами. Феномен континуитета – один из самых слож-

ных, но и самых интересных. Он предполагает построение динамической модели эпохи из различных взаимодействующих элементов в системе «преемственность – дискретность».

Феномен культурной преемственности и взаимодействия двух эпох сегодня нуждается в актуализации, так как контрастное и антиномичное историческое мышление и связанные с ним стереотипы до сих пор генерируют полярные и антагонистические модели стыкующихся эпох в массовых исторических представлениях.

Материал по данной проблеме переработан специально для учебного пособия, но научный аппарат в полном объеме сохранен, что позволит использовать книгу как для студентов-специалистов, так и для магистрантов, а также аспирантов.

Издание можно считать первым выпуском «научной продукции» Центра Постклассических исследований БелГУ, который тем самым начинает свою работу.

Часть 1 ОБЩИЙ ОЧЕРК ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПОХИ

§ 1. Сущность и специфика позднеантичной эпохи

История – это бесконечный процесс движения и изменений. В русле мощного исторического потока сменяются формы и виды цивилизаций, формы материальной культуры и общественной жизни, духовной культуры и искусства.

Классическая античная цивилизация в своем развитии проделала несколько этапов. Каждый из них отличается весьма заметным своеобразием, так что выделяется в особый этап, генетически связанный с предшествующим и последующим¹.

Арнольдом Дж. Тойнби были приняты следующие этапы:

- эллинская полисная цивилизация VIII-IV вв. до н.э.;
- эллинистическая цивилизация III-I вв. до н.э.;
- римская VIII в. до н.э. – V в. н.э.²

Тем не менее, с годами всё больше и больше зреет понимание того, что с III века начинается новая стадия в развитии античной средиземноморской цивилизации. Поздняя античность конца III-VI вв. представляется если не в полной мере самостоятельной цивилизацией, то, по крайней мере, субцивилизацией³.

Каждая цивилизация вырастает из определенного наследия, которое она отбирает в прежних обществах, трансформируя его в соответствии со своими потребностями. Поздняя античность выросла на базе достижений греко-римского мира, обогащенных опытом кельто-германских и восточных обществ. Значительным элементом поздней античности становится иудео-христианская традиция, за которой было будущее.

IV-VI века были самым большим переломом в истории Европы из происходивших до тех пор. Наиболее важно было то, что путь развития, который нащупала для себя средиземноморская Европа на заре античности, и по которому она шла тысячу лет, подошел к концу. Нужно было искать новый путь, а для этого сперва сделать несколько шагов назад, чтобы выйти из тупика. Эти несколько шагов и пришлись на IV-VI века, которые обычно именуются “закатом античной культуры”.

В отечественной историографии до 90-х гг. XX в. поздняя античность рассматривалась прежде всего как последняя стадия развития рабовладельческого строя, а основной проблемой было выявление характерных черт процесса разложения старого и вызревания элементов нового строя. 476 год на

¹ См., например, деление, принятое в кн. Древние цивилизации. М., 1989.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 724-725 (комм.).

³ К сожалению, так и не был написан том о поздней античности для французской серии “Великие цивилизации”, который предполагалось написать. Об этом см.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 5. Однако, общий «портрет» постклассического мира уже начал создаваться (см. литературу с 90-х гг.).

Западе считался концом рабовладельческой формации, а на Востоке с 395 г. речь шла о византийском обществе, эволюционирующем в сторону феодализма⁴. Лишь в работах Г.Л. Курбатова была поставлена проблема “позднеантичной стадии развития”⁵.

В мировой науке всегда существовал устойчивый интерес к эпохе поздней античности. Исследования последних десятилетий позволили взглянуть на это время как на особую историческую целостность.

Действительно, нельзя видеть в поздней античности только переходную эпоху между античностью и средневековьем. Анализ фактов и тенденций развития говорит за то, что это была в значительной степени самостоятельная эпоха, весьма своеобразное общество. Оно было наполнено противоречивыми событиями и процессами, происходившими из различных материальных и духовных истоков.

При освещении позднеантичной эпохи исследователи обычно обращаются к ряду важнейших проблем:

- оценка причин падения Западной Римской империи,
- сравнение процессов развития Запада и Востока в позднеантичный период,
- роль государства и его институтов в жизни общества,
- исследование социальных отношений,
- “феодализация” империи.

Тема упадка или перехода в новое качество всегда являлась наиболее интересной для исторического анализа, но проблема упадка великой империи, именно Рима, стала излюбленной в европейском историографическом дискурсе⁶. Наряду с фундаментальными исследованиями эпохи, предпринятыми А. Джоунсом⁷, О. Зееком⁸, Р. Ремондоном⁹, есть многочисленные сочинения, посвященные отдельным частным проблемам. Одной из последних обобщающих работ является книга А. Демандта¹⁰.

Главной задачей этих книг является систематизация научных знаний, накопленных об эпохе от Диоклетиана до Юстиниана. Нетрудно заметить внутренней тождественности основных общественных институтов на всей территории империи, аналогичности и синхронности исторических процессов на Западе и на Востоке. Хотя многие специалисты не разделяют ныне этого мнения, оно показательнее всего как наиболее полное выражение традиционных взглядов на позднюю античность, получивших законченное оформление в последней четверти XX в.

⁴ Жуков Е.М. О периодизации всемирной истории // Вопросы истории (ВИ). 1960. № 8. С. 22-33.

⁵ Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 11-19. Здесь проблема поставлена наиболее глубоко.

⁶ Селунская Н.А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires unlimited» // Вестник древней истории (ВДИ). 2005. № 1. С. 250.

⁷ Jones A.H.M. The Late Roman Empire. Vol. I-III. L. 1964-1966; Jones A.H.M. The Decline of the Ancient World. L., 1966.

⁸ Seeck O. Geschichte des Unterganges der antiken Wrlt. 2 Aufl. Bd. I-VI. Stuttgart. 1920-1922.

⁹ Remondon R. La crise de L'Empire de Aurel a' Anastase. P., 1964.

¹⁰ Demandt A. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Iustinian. 284-565 n. München, 1989. 612 S.

Изучение античности в русле исследования институциональной истории на основе письменных источников было традиционным для всей европейской науки. Эта тенденция сменилась интересом к истории религиозности и ментальности в целом по визуальным источникам. При этом стали активно интерпретироваться не только особенности нарождающегося мира христианского Запада, но и восточнохристианской культуры. В этой связи нельзя не указать, что еще в конце XIX в. в России сложилась история восточно-христианского искусства (со школой Н.П. Кондакова во главе), подходы которой к интерпретации памятников сегодня на новом уровне во многом повторяются.

В отечественной литературе в свое время Г.Л. Курбатов поставил вопрос: имеем ли мы после кризиса III в. на территории Римской империи два развивающихся уже разными путями общества, а затем и государства, или по-разному переживавшие свою позднеантичную эпоху восточно-римское и западно-римское общества?¹¹

В конце XX - начале XXI вв. представления о поздней античности значительно усложнились. Эпоха IV-VI веков все больше и больше предстает как время определенного внутреннего развития. Главная трудность в том, что нет четких критериев подхода к поздней античности как к самостоятельной целостной фазе развития античного общества. Сам противоречивый материал эпохи, его недостаточная количественная репрезентативность во многих случаях создают основу для противоположных суждений. Поэтому к таким эпохам и периодам особенно необходимо применять системный подход, при котором характер общества, динамики его внутренних отношений может быть определен только через взаимосвязанное изучение его компонентов.

Именно последние годы позволили и в отечественной историографии подойти к позднеантичной стадии развития как к определенной целостной фазе эволюции античного общества, эпохе определенного системного единства¹².

Среди наиболее известных концептуальных работ последних десятилетий выделяются книги П. Брауна, Г. Бауэрсока и А. Кэмерон и др.¹³ Британская школа «Late Antiquity», зародившаяся в 70-е гг. XX в., за прошедшие годы завоевала значительное количество сторонников. В литературе даже появились мотивы сравнения концепции «Осени Средневековья» и «Поздней Античности».

Несомненно, эта плодотворная концепция имеет тенденцию к обобщениям в рамках периода, но, тем не менее, она опирается на новое прочтение

¹¹ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 4.

¹² Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Указ. соч. – С.11. Периодизация с вычленением позднеантичного этапа с хронологическими рамками к. III – VI вв. стала общепринятой в работах последнего десятилетия в Украине (В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан и др.).

¹³ Broun P. Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire. Madison, 1992; Broun P. The Making of Late Antiquity. L., 1978; Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1971; Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600. L., 1993; Changing Cultures in Early Byzantium. Ashgate, 1996; Chuvin P. Chronique des derniers païens. P., 1990.

источников, учитывает свидетельства о мироощущении людей эпохи и в целом выглядит весьма убедительной.

Таким образом, поздняя античность - особая историческая эпоха, генетически связанная с предыдущей и последующей. Элементы, восходящие в конечном счете к классической античности, были в ней определяющими. В данное время эти элементы выступают в специфической, присущей только этой эпохе, форме. Появляются и новые факторы, одним из которых было суждено остаться в своей эпохе навсегда, другим - трансформироваться в явления последующей эпохи. Эта эпоха образует динамическую модель взаимодействия старых и новых элементов, разноректорно направленных, но в целом, несомненно, наблюдается постепенная преемственность, континуитет¹⁴.

Главным элементом этой системы «континуитет – дисконтинуитет», как и главной характерной чертой позднеантичного общества был активный социальный консерватизм как результат многовекового предшествующего развития.

Главным же критерием, отделяющим позднеантичную эпоху от последующей, был тот факт, что при всей заметной степени развития элементов частно-правовых, личностно-правовых отношений, до конца существования позднеантичного общества сохранялось преобладание публично-правовых, примат государственного подчинения и регулирования. Позднеантичное общество перестало быть таковым не с отменой рабства, а с отменой свободы.

§ 2. Набор признаков-элементов позднеантичной цивилизации

Обзор элементов и признаков данной эпохи стоит начать с определения ее хронологических рамок. Совершенно очевидно, что истоки ее лежат в кризисном III столетии, когда имперская государственность подверглась самым серьезным испытаниям¹⁵.

Если нижние границы эпохи можно указать достаточно четко, то верхние на Западе и Востоке будут отличаться. Падение государства на Западе в 476 г. можно считать концом позднеантичной цивилизации, если считать государственность важнейшим ее элементом. Но второй по важности элемент - языческая в своей основе культура - еще целое столетие существует как самостоятельный пласт культуры раннего средневековья¹⁶. Мощное излучение погибшей цивилизации воздействует на ее преемников едва ли не сильнее, чем влияет на варваров-соседей цивилизация на стадии расцвета. Поэтому, как нам представляется, можно говорить о постпозднеантичной (посткласси

¹⁴ Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т. 1. Белгород, 2007. С. 47-55.

¹⁵ Сергеев И.П. Римская империя в III веке н.э. Харьков, 1999.

¹⁶ См., например, Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С. 3-18; Ukolova V. The last of Romans and European Culture. М., 1989. P. 382-392.

ческой) эпохе на Западе, когда при новой политической организации осталось прежним культурное пространство Запада.

На Востоке еще время Юстиниана по праву считается веком расцвета позднеантичной государственности, но уже к его концу империя ослабевает, а языческая греческая культура практически сходит на нет, оставаясь, правда, и здесь в течение почти всего средневековья одним из главных источников светской культуры Византии.

В мировой Римской империи во II в. н.э. - вершине ее развития - произошел глубокий синтез всех элементов античной цивилизации. В одном социально-политическом организме соединились очень разные части. Но все они слились воедино под эгидой мощной, универсальной и чрезвычайно устойчивой силы - римского государства.

Государство было основой основ римской цивилизации. Этот “шедевр консерватизма”¹⁷ со 2-й половины II в. под воздействием сил разрушения и обновления подвергся эрозии. Распалось (пусть на короткий срок) главное - единая имперская государственность. Ее восстановление к концу III в. и установление системы домината показали глубокую жизнеспособность позднеантичной цивилизации.

Установившаяся система домината была гибкой и решительной. Ее вынуждали к этому самые серьезные обстоятельства. Мобилизация всех ресурсов и их перераспределение, организация обороны империи, изменения в административной системе - все это позволило государству относительно спокойно прожить IV столетие. Но в V веке ситуация меняется в пользу варварского окружения. Из суровых испытаний вышел только Восток. В VI в. он укрепляется и проводит активную реставрационную политику. Но и его силы иссякают к концу столетия; начинается его структурная перестройка.

Во всех этих событиях главным действующим лицом было именно государство. От него и от его существования зависело само существование позднеантичной цивилизации.

Официальной государственной идеологией державы был лозунг “христианской империи”. В течение IV в. культ императора растворился в христианском монотеизме, и император стал Божьим наместником на Земле. Но пока сохранялась Западная империя, сохранялся и *Pax Romana*. Лишь после ее падения воцарился *Pax Romana*.

Что касается языческой культуры, то она не сдавала свои позиции без боя. И еще в V в. она была живой силой как на Западе, так и на Востоке. Правда, сфера ее действия сузилась до небольшого слоя сенатской знати и “сельских хижин” (Запад), части муниципалов (Восток). На Западе можно выделить три группы деятелей языческой культуры. Ожесточенные противники церкви (Симмах, Рутилий Намациан) вели против нее активную борьбу. Умеренные мечтали о примирении обоих культов. Третьи внешне приняли

¹⁷Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 9.

христианство, но в своем творчестве оставались язычниками (Макробий) и умышленно умалчивали о христианах в своих произведениях¹⁸.

На Востоке и в V, и в VI вв. еще процветала языческая по форме и содержанию поэзия (Нонн, Трифиодор, Коллуф, Мусей, Павел Силенциарий, Македоний, Агафий). Но главным средством сохранения языческих идей и их проводником будущим векам была школа. Это был важнейший инструмент для духовного единения распадающегося общества¹⁹. Школа учила разнородное население Поздней империи общему образу жизни и общему образу мыслей. Влияние школы было уже влияния церковной проповеди, но оно было глубже. Если проповедь учила дорожить вечной жизнью, то школа объясняла систему ценностей земной жизни - давала общий язык культуры.

Средиземноморская универсальная держава была достаточно устойчивым образованием; это зависело от того, что сочетание входящих в нее элементов было удачным в экономическом и географическом отношении.

В Поздней империи происходит выравнивание экономических условий в различных ее частях. В результате эти части перестают быть дополняющими друг друга партнерами, пусть даже и невольными, превращаются в соперников. Империя тем самым утрачивает экономический смысл²⁰, а каждая провинция может теперь прожить самостоятельно.

Предпосылки разделения на Запад и Восток были заложены с самого начала формирования этих групп провинции. На Востоке основной ячейкой общества был эллинистический полис, развившийся задолго до вхождения в состав империи; на Западе - римский муниципий, создававшийся в уже завоеванных провинциях. Сказались также различия эллинистической и латинской культур. Мы можем говорить о двух вариантах позднеантичной цивилизации: западном и восточном.

В большей степени изучены процессы, происходившие в позднеантичный период на Западе, так как там грань эпох оказалась более резко прочерченной²¹. В последнее время активно изучается и Византия.

Социальная структура Поздней империи отличалась большим своеобразием. Прежде всего, следует отметить превращение сословий в наследственные замкнутые группы и их консервацию государственной властью. По мере разложения государства происходит постепенное понижение уровня социальной стратификации и дифференциации. Основными сословиями Поздней империи были сенаторы, куриалы, плебс (включая колонов), рабы. Значительной частью населения были варвары, которых государство стремилось включить в социальную структуру империи в качестве рабов или колонов, но со временем эти попытки становятся все более тщетными.

В религиозной сфере может идти речь о "христианском перевороте IV века. Став государственной религией, христианство еще долго не могло

¹⁸ Буассье Г. Падение язычества. М., 1892. С. 322.

¹⁹ Гаспаров М.Л. Ук. соч. С. 10.

²⁰ Дьяконов И.М., Якобсон В.А. "Номовые государства", "территориальные царства", "полисы" и "империи". Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 32.

²¹ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Указ. соч. С. 3.

прийти к внутреннему единству. Утверждение в IV в. на длительный срок господства в обеих половинах империи разных направлений христианства (на Западе ортодоксально-никийского, на Востоке арианского) - лишь один из факторов. В позднеантичный период вызревают и предпосылки будущего церковного размежевания Запада и Востока²². Но церковные границы не вполне совпадали с этническими: патриарх Константинополя контролировал латиноязычное население на Дунае, тогда как папа установил свою юрисдикцию над греческими церквами Македонии, Эпира, Греции и Крита²³.

К началу V в. языческий культ для многих представителей господствующего класса оставался лишь невинным обычаем, унаследованным от предков. Поэтому одни и те же люди могли быть одновременно язычниками и христианами. Главная линия идеологической борьбы проходила в этот период не между язычеством и христианством, а между различными направлениями в христианстве²⁴.

Религия большинством исследователей считается важнейшим цивилизационным признаком, поэтому и историю византийской цивилизации обычно ведут с IV века. Но сама ранневизантийская эпоха (IV-VI вв.) может целиком рассматриваться как вариант позднеантичной стадии. В таком случае церковь того времени является вполне логичным элементом поздней античности, заметно отличающимся от средневековой церкви.

Даже то новое, что подтачивало и разрушало старое, до поры до времени было вынуждено рядиться в привычные для людей той эпохи одежды. Христианская церковь не так резко подрывала основы старого общества, как это нередко изображается. Да, структуры римского мира были нужны церкви лишь как форма, в которую можно было отлиться, как опора или как средство самоутверждения. Да, главная направленность церкви была вовне, а империи - вовнутрь. Но при всем при этом церковь, став государственной, брала на себя многие функции разлагавшегося государства, и, прежде всего - организацию муниципального самоуправления и самообороны от варваров (деятельность Северина в Норике, Августина в Африке, Синезия в Кирене, Сидония в Галлии и т.п.). Таким образом, роль церкви в эпоху поздней античности весьма неоднозначна, ее нужно рассматривать в каждом конкретном аспекте специально, но совершенно ясно, что и само христианство, и церковь были в определенном смысле такими же плодами развития античности, как и все остальные.

С точки зрения этнической истории поздняя античность, конечно, является временем старости и упадка прежних ведущих этносов²⁵, а также время интенсивных этнических процессов, приведших к формированию новых этнических групп и христианского суперэтноса.

²² Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984. С.11.

²³ Jones A.H.M. The Late Roman Empire. V.II. P. 986; Болгов Н.Н., Смирницких Т.В. Латинский пласт культуры ранней Византии: специфика и сферы распространения // Мир Византии. Белгород, 2007. С. 25-27.

²⁴ Дилигенский Г.Г. Северная Африка в IV-V вв. М., 1961. С. 153.

²⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 438-443.

Исчерпавшие свои жизненные силы старые народы не дали в то время сколько-нибудь крупных исторических деятелей. Достаточно посмотреть на список императоров, чтобы в этой убедиться. Само общество отторгало любую крупную личность, не давая ей проявить себя (император Юлиан, Стилихон, Аэций, Иоанн Златоуст и т.д.). Поздняя античность - эпоха торжества тихой посредственности, существующей по принципу «проживи незаметно».

§ 3. Проблема гибели позднеантичного общества и общие проблемы гибели цивилизаций

В этой работе не место и не время анализировать комплексные и частные причины гибели античного мира. Эта проблема с давних времен имеет уже огромную литературу и большое число концепций. Здесь представляют определенный интерес некоторые взгляды обобщающего характера. Крупный социологический анализ проблемы дал Дж. Тейнтер в книге «Разрушение сложных обществ».

Разрушение цивилизации является прежде всего процессом политическим, т.е. прямо и непосредственно зависит от состояния государства. Общество разрушается тогда, когда оно обнаруживает быструю и значительную утрату определенного уровня социополитической сложности.

Разрушение цивилизованного общества проявляется в следующих факторах:

- снижение степени стратификации и социальной дифференциации,
- утрата экономической и профессиональной специализации индивидуумов, групп и территорий,
- потеря централизованного контроля, т.е. регулирования со стороны различных экономических и политических групп элиты,
- утрата поведенческого контроля и строгой регламентации жизни,
- исчезновение элементов, определяющих понятие «цивилизация»: монументальной архитектуры, крупных достижений в искусство и литературе и т.д.,
- прекращение потока информации между индивидуумами, группами, и между центром и его периферией,
- замирание обмена, торговли и перераспределения ресурсов,
- полная утрата координации и организации индивидуумов и групп,
- небольшие территории обособляются в отдельные политические единицы, выходя из-под контроля центрального правительства,
- государство тихо замирает, на местах продолжает функционировать общественное самоуправление²⁶.

Поздняя Римская империя дает яркий пример проявления всех указанных факторов. На менее наглядно можно их проследить на судьбах Боспорского государства, особенно в послегуннское время (кон. IV - V вв.).

²⁶ Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambr.: CUP, 1989.

Для объяснения причин разрушения общества привлекаются следующие обстоятельства:

- истощение жизненных сил и ресурсов, от которых зависит общество,
- основание новых сырьевых баз,
- ряд непреодолимых катастроф,
- недостаточный “Ответ” на “Вызов” обстоятельств,
- наличие других сложных обществ,
- незваные гости (варвары),
- классовые конфликты, общественные противоречия, плохое управление и поведение элиты,
- социальная дезорганизация,
- мистические факторы,
- экономические факторы,
- связь случайных событий.

Главным элементом разрушения западно-римского общества было крушение государства. Его анемия и разложение в V в. очевидны. Главной особенностью имперской государственности было то, что она была призвана выполнять в обществе, но представительные, а регулятивные функции. Это же можно отнести и к позднему Боспорскому государству, с той лишь разницей, что процесс замирания государства здесь растянулся более чем на столетие. Позднеантичное общество ранней Византии постепенно трансформировалось в собственно византийское через ряд политических кризисов. Таким образом, в периоды кризиса и крушения цивилизации определяющую роль играет состояние государства.

§ 4. Динамическая модель континуитет - дисконтинуитет

Понятие «континуитет», несмотря на кажущуюся простоту, нуждается в точном определении. Будучи калькой с латинского *continuitas*, это понятие невозможно выразить по-русски одним словом. Поэтому представляется необходимым вывести несколько составляющих данного феномена. Первая составляющая подразумевает простую преемственность эпох, продолжение прошлого (или отдельных его явлений) в будущем (*survivance*)²⁷. При этом преемственность может наблюдаться в области материальной культуры, производственных традиций, отчасти в идеологии (христианство), отчасти в государственно-политической сфере. Однако, как правило, на данном уровне на смену государству античного типа здесь приходит варварское раннегосударственное образование, которое лишь пытается имитировать античные политические институты, или делать вид, что античное государство, уже исчезнувшее, продолжает существовать. Вторая составляющая является темпоральной характеристикой и представляет собой непрерывность происходящих процессов, отсутствие дискретности, лакун на протяжении всей пере

²⁷ Riche P. Education et culture dans l'Orient barbare. IV-VII siècle. P., 1995 (4 ed.). P. 9-24, 37-42.

ходной эпохи. Третья составляющая включает в себя единство и качественную целостность всех эволюционных процессов. Попытка современного специалиста вычленив какую-либо линию континуитета из общего потока представляется нам методологически неверным шагом, исказившим бы целостную картину.

Крупнейший теоретик континуитета Питер Браун для латинского Запада 350-450 гг. использует понятие *revival*, а для общества 450-650 гг. – *survival*, тем самым устанавливая два уровня преемственности и восприятия классического наследия.

Проблемы континуитета между античной и византийской эпохами в теоретическом плане отечественными специалистами почти не рассматривались. Само это понятие до конца 60-х гг. считалось частью «арсенала буржуазной науки». Можно указать также на более узкие хронологические проблемы более крупной переходной эпохи. Это, в частности, концепция «кризиса III века», нашедшая наиболее полное выражение в трудах Е.М. Штаерман и И.П. Сергеева. Среди других антиковедов идея успехом не пользовалась. Для периода IV-VI вв. выделяются работы Г.Л. Курбатова о ранневизантийском городе, Г.Е. Лебедевой о политико-правовых аспектах рождения Византии. Из медиевистов теория переходного культурного состояния в Западной Европе V-VII вв. была разработана В.И. Уколовой²⁸. Несколько шире территориально этих проблем коснулся филолог С.С. Аверинцев²⁹. Для региона Северного Причерноморья никто из авторов в подобном ракурсе проблему не ставил³⁰. Гораздо большее внимание эпохе VII-VIII вв. («темных веков») уделялось в связи с общими проблемами рождения Византии. Постепенно выработалось две основных точки зрения. А.П. Каждан отстаивал мысль о частичном дисконтинуитете в развитии эпохи³¹. М.Я. Сюзюмов же последовательно утверждал идею континуитета³². В русле последней С.Б. Сорочан рассмотрел континуитет производственных традиций и торговли, товарно-денежных отношений³³, а затем и историю ранневизантийского Херсона³⁴.

Нам представляется, что общетеоретические взгляды М.Я. Сюзюмова, перенесенные на эпоху конца III – VI вв., и должны составить теоретическую базу нашего исследования.

Сама Византия, испытывая перемены, воздействовавшие на определенные внешние признаки, долгое время не подвергалась серьезным качественным структурным изменениям³⁵. Речь должна идти скорее о постепенной,

²⁸ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989; Ukolova V. The Last of the Romans and European Culture. М., 1989.

²⁹ Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.

³⁰ Н.И. Храпунов (Симферополь) в ряде работ рассматривает континуитет администрации Херсонеса в ранневизантийский период (до IX в.).

³¹ Kazhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. 52. P. 429-478.

³² Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002 и др. работы.

³³ Сорочан С.Б. Византия IV-IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998; 2-е изд. - 2001.

³⁴ Сорочан С.Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры (2-я пол. VI – 1-я пол. X в.). Харьков, 2005.

³⁵ Weiss G. Antike und Byzanz: die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // Historische Zeitschrift. B. 224. B., 1977. S. 530f.

длительной перестройке, эволюционной трансформации позднеантичных центров на новый, средневековый лад с сохранением при этом не только некоторых внешних, но и внутренних континуитетных структурно-системных характеристик с региональной спецификой³⁶.

Итак, континуитет – это непрерывность существования и развития³⁷. Составные части этого явления:

- континуитет государства;
- территориальный континуитет города (топография, градостроительство, система расселения, фортификация),
- континуитет погребального обряда;
- континуитет производственной деятельности, торговых связей, денежной системы (по отдельным памятникам материальной культуры);
- континуитет социальной структуры (знать, военные, клир, ополчение и т.д.);
- континуитет идеологии;
- континуитет духовной культуры и искусства.

В зарубежной науке рассматривались как общие, так и отдельные проблемы континуитета для ранней Византии в целом.

§ 5. Краткий очерк экономики

Если кратко рассмотреть процессы, происходившие в экономике позднеантичного общества, то главными их факторами были: постепенная натурализация, перенос центра тяжести экономики из города в деревню, эволюция в сторону автаркии крупных хозяйственных комплексов, частичный кризис товарно-денежных отношений, хозяйственное обособление отдельных территорий. Вместе с тем надо признать, что экономические процессы того времени были неоднозначны. В различных провинциях имели место свои конкретные особенности, не всегда согласующиеся с общей схемой.

Аграризация - важный показатель состояния экономики общества. Будучи важнейшим средством обеспечения собственного существования, работа на своем участке земли является базисом общества с низким уровнем сложности. Чем сложнее становится структура общества, тем больше завязывается хозяйственных связей для обеспечения растущих потребностей. Поэтому “рыночный” сектор в экономике является показателем ее зрелости. Преобладание натурального или товарного сектора в экономике во многом определяет тип общества.

Античная культура по своему экономическому центру тяжести до начала императорской эпохи является на Западе береговой, приморской культурой. Зависимость от подвоза иноземного хлеба там, где она в древности составляет постоянное явление, всегда была обстоятельством, которое вызы-

³⁶ Ср.: Сорочан С.Б. Византия IV-IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 346.

³⁷ Там же. С. 16-17.

вало вмешательство со стороны публичной власти и влекло за собой институционные и политические последствия самого широкого характера, потому что частная торговля являлась недостаточной для того, чтобы обеспечить продовольствие³⁸. Возникновение мировой Римской державы (как завершение античной истории) означало и на Западе древнего мира перемещение культуры и центра тяжести населения с морских берегов вглубь страны и, вместе с тем, широкий сдвиг во всех основах общественной организации³⁹.

Развитие в античности товарного сектора (или так называемого античного капитализма⁴⁰) не могло быть бесконечным, т.к. имело ряд непреодолимых препятствий. Прежде всего это было экономическое своеобразие античной культуры, а именно - ограниченность рыночного производства вследствие:

- ограниченного по техническим условиям оборота и провозоспособности товаров внутри страны и обратно,
- непрочности капитала и его образования,
- ограниченности эксплуатации рабского труда в крупном производстве,
- невозможности строгого коммерческого расчета при применении рабского труда.

Переход к миру и культуре внутренних стран задавили “античный капитализм” везде, где только он существовал⁴¹.

Угроза полного коллапса в III веке вынудила средиземноморское общество сплотиться вокруг государственной власти и передать ей большую часть своих политических прав. Невероятно усилившееся государство в IV в. стало прямо влиять на экономические процессы. Вся направленность внутренней политики императоров IV-V вв., их стремление подчинить деятельность социально-экономических институтов интересам фиска наглядно свидетельствует о растущих трудностях, с которыми сталкивался государственный аппарат по сбору налогов. Эти трудности могли объясняться только тем, что сумма требуемых налогов все чаще не соответствовала реальным экономическим возможностям налогоплательщиков⁴². Необходимость обеспечения стабильного притока средств для содержания государственной машины и организации обороны от варваров вызвала резное усиление фискального гнета и прикрепление куриалов к своим куриям. В IV-V вв. куриалы отвечали за сбор налогов уже не только своим имуществом, но и личностью. Поэтому для горожан часто оказывалось экономически более выгодным не отдавать часть своего заработанного продукта государству в обмен на его защиту, а бежать в деревню и начинать самостоятельную натуральную хозяйственную деятельность. “Когда люди теряют свои дома и земли вследствие разбоя или

³⁸ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С.5-6.

³⁹ Там же. С. 38.

⁴⁰ См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство Римской империи. Тт. 1-2. СПб., 2001.

⁴¹ Там же. С. 382.

⁴² Дилигенский Г.Г. Ук. соч. С. 23.

конфискации, произведенных сборщиками налогов, они бегут во владения магнатов и становятся их колоннами”⁴³.

В рамках крупных экзимированных хозяйств-сальтусов оказалось возможным решить многие трудные проблемы: была достигнута устойчивость производства, воспроизводство его основных источников рабочей силы и почвенного плодородия. Именно такие автаркичные поместья и колонат стали “узлами прочности” распадающегося общества, пережившими падение государства на Западе.

Сальтусы давали обществу возможность выхода из тупика, создавая нормальные условия для хозяйственной деятельности. В имениях магнатов развивалась многоотраслевая экономика, существовали местные рынки, постоянные лавки, бани, а также храмы. Сама усадьба укреплялась и превращалась в крепость, где сосредотачивались хозяйственные склады, администрация, военная сила, тюрьма.

Владельцы крупных сальтусов представляли перед государством население своих земель: собирали и поставляли государству земельную подать (аннону) и рекрутов.

Крупное землевладение росло за счет скупки имение разоряющихся куриалов, скупки или захвата земель из общественного фонда городов и свободных сельских общин. Среди крупных экзимированных сальтусов преобладали сенаторские, но немало было и императорских, и церковно-монастырских поместий. Самым привилегированным было церковное землевладение. Поместная администрация состояла большей частью из рабов (по данным Палладия)⁴⁴.

Рост крупного землевладения в сочетании с мелким производством и эксплуатацией мелких зависимых держателей неизбежно вел и отказу от интенсивных отраслей сельского хозяйства и к распространению экстенсивного земледелия и скотоводства. Этому в значительной степени способствовало бегство куриалов из городов и оседание их на пустующих землях. Часть этих земель была пустующей вообще, другая принадлежала магнатам, но не обрабатывалась.

Вместе с тем, в техническом и агрономическом отношении господство латифундий и мелкого колонатного земледелия означало известный шаг назад по сравнению с предшествующим временем. В мелком хозяйстве колона не было прежнего разнообразия плугов, жатвенных орудий, серпов, ножей и многих других инструментов. Здесь не применялись интенсивные системы земледелия, колон мало разбирался в агрономических тонкостях, на его участие не было прежнего разнообразия сортов пшеницы, виноградных лоз, оливковых; и плодовых деревьев; не получал он и крупных урожаев. Но условия труда и задача колона были принципиально иными: надо было обеспечить свое выживание.

⁴³ Сальвиан (цит. по: Ле Гофф Ж. Ук. соч. С. 28).

⁴⁴ Гаврилов В.Г. Поместное хозяйство в Италии IV в. н.э. по трактату Палладия «De re rustica» / Автореф. канд. дисс. М., 1974.

Колонат как социально-экономический институт⁴⁵ сложился естественным путем, без вмешательства со стороны государства. Он оказывается в поле зрения императорского законодательства лишь тогда, когда он занял место в официальных писцовых книгах. Финансовые потребности побудили администрацию лишь урегулировать выработавшиеся отношения⁴⁶. Хозяину было выгодно закрепить у себя земледельца, для колона было выгодно сохранить за собой клочок земли. Императоры не прикрепляли колонов к земле, они только допустили и провозгласили этот порядок⁴⁷.

Ремесло также частично переходит в салтусы, где теперь производится все необходимое своими силами. В городах сохранялись государственные мастерские, работники которых по рескрипту Аркадия и Гонория от 398 г. были прикреплены к своему ремеслу. Роль государства в ремесленном производстве значительно повышается. К началу V в. в Западной Римской империи было 20 крупных государственных *Fabricarum*. Ремесленники-единоличники были вынуждены объединяться в профессиональные коллегии, к которым они и прикреплялись. Уделом городских ремесленников-профессионалов оставались только наиболее сложные производства. Коллегия в целом отвечала за сбор налогов со своих членов. При Александре Севере была проведена реформа, по которой корпоративный строй среди промышленного населения г. Рима стал общеобязательной нормой⁴⁸. В конце IV в. государственное и частное ремесло уже не различались⁴⁹. Все промышленное население в IV-V вв. именуется *negotiatores corporati*⁵⁰.

Закрепление всех категорий работников за своими рабочими местами было вызвано прежде всего необходимостью удерживать людей, нужных для экономики, которая более не питалась привозной продукцией, а замкнулась на местном производстве⁵¹. Так сомкнулись экономическое положение индивидуума и его социальный статус, ведь аграризация была в большой мере и социальным явлением.

Итак, в Поздней Римской империи в сфере экономики на первое место вновь выходят аграрные отношения. До каких пределов могла происходить эволюция системы землевладения?

В условиях IV-V вв. имела место концентрация дохода с земли, но не укрупнение имения как целостного хозяйственного организма. Производство в крупных имениях осуществлялось главным образом во включенных в них небольших хозяйствах колонов. В то время действовали определенные факторы, ограничивавшие экономическую целесообразность крупной земельной собственности. Концентрация земли приводила во многих случаях не к образованию более крупных хозяйств, но лишь к увеличению гнета, давившего

⁴⁵ Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната: Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995.

⁴⁶ Фюстель де Куланж Н.Д. Римский колонат. СПб., 1908. С. 88.

⁴⁷ Там же. С. 96.

⁴⁸ SHA. Alex. Sev. 33.

⁴⁹ Кулаковский Ю.А. Коллегии в Древнем Риме. К., 1882. С. 97.

⁵⁰ Там же. С. 103.

⁵¹ Ле Гофф Ж. Ук. соч. С. 30.

на непосредственных производителей, и, в конечном счете, к экономическому упадку⁵². Таким образом, аграрные отношения в Поздней империи имели пределы эволюции. Соответственно, и вся экономическая система могла прогрессивно развиваться лишь до определенных пределов.

Падение Западной империи обозначило предел такого развития. Уцелевшая Византия сохранила в своей экономике значительный товарно-денежный сектор, опиравшийся на крупные города⁵³.

§ 6. Очерк социальной структуры позднеантичного общества

Структура социальных отношений в Поздней Римской империи отличалась глубоким своеобразием. На смену формально и фактически единому римскому гражданству приходит сильно стратифицированное общество, состоявшее из различных социальных категорий внутри гражданства (доступного для всех свободнорожденных по эдикту 212 г.).

Исходным пунктом формирования правовых различий среди свободных граждан послужила старая категория *infames*, которая была ограничена в судебном и брачном отношении за бесчестящие поступки или бедность (*paupertas*). Отсюда видно, что объективной основой для юридического оформления различий социального статуса среди свободных граждан послужил процесс социальной дифференциации. Постепенно появились термины для обозначения “сильных, влиятельных” (*honestiores*) и “низших” (*humiliores*). В IV-V вв. эти категории стали называться *potentiores* и *inferiores* (*tenuiores*).

Внутри этих разрядов существовали официальные сословия. К I разряду относились: сенаторы, всадники, куриалы (т.е. все, кто был собственником и имел высшие военные и гражданские чины); ко II-му относились колонны (формально не образующие отдельного сословия), городской плебс, отдельной социальной группой были рабы, отдельным сословием - церковнослужители. Постепенно во II-й разряд попадало все больше и больше куриалов, а в I-м осталась их верхушка - принципалы. Все *honestiores* были освобождены от так называемых “грязных повинностей”, что являлось важным отличительным признаком этого разряда. Особенно четко два разряда различались в судебных делах⁵⁴.

Отход от основного принципа римского права - равенства всех граждан перед законом - и деление свободных на разряды с различным статусом (правовым) свидетельствовали о глубоких изменениях в позднеантичном обществе.

Рост могущества *potentiores* был небезопасен для императорской власти, т.к. за ним стояли реальные богатства, прежде всего земли. Принимались меры для того, чтобы помешать “могущественным” уклониться от их государственных повинностей. Одной из таких мер было создание должности *de-*

⁵² Дилигенский Г.Г. Указ. соч. С. 90-91.

⁵³ Сорочан С.Б. Византия IV-IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001.

⁵⁴ Gai. Inst. III,225; Pavel. Dig. XLVII.2,11.

*defensor civitatis*⁵⁵. Она была задумана как государственный орган для покровительства “низшим” и впервые упоминается в 364 г. в частном распоряжении Валентиниана и Валента. “Защитник граждан” до 409 г. избирался всей общиной, включая плебс, а затем превращается в чисто муниципальный магистрат.

Сословия IV в. имели строго определенные права, привилегии и обязанности. Высшим сословием было сенаторское. Сохранялось в силе прохождение древних магистратур как путь к сенаторству. Сенаторами были также все придворные в рангах *vir illustris* и *vir spectabilis*. Еще в IV в. не было закрыто звание сенатора и для куриалов. Сенаторы имели большие привилегии, были освобождены от всех муниципальных повинностей, подлежали суду префекта столицы, а не местному⁵⁶.

Внутри сенаторского сословия обычно выделяют группы “земельной аристократии” и “служилой знати” (бюрократии). Вероятно, их противопоставление не должно быть очень резким. Не случайно Г.А. Курбатов предложил термин “гражданская знать”⁵⁷ подразумевавший как сопричастность земельной аристократии к “государственной”, “гражданской” службе, так и приобщение к ней части лиц, получавших сенаторское достоинство благодаря продвижению по административной лестнице и становившихся затем провинциальными магнатами⁵⁸.

К началу IV в. вторым сословием империи формально оставались всадники. Но уже со времени правления Константина они постепенно исчезают. Прежнему всадническому статусу теперь соответствуют титулы эгрегия (чиновники 2 и 3 ранга, чьи функции не давали еще доступа в сословие сенаторов) и перфектиссима (этот особый разряд знати вобрал в себя юридически всадническое достоинство, но фактически унаследовал и прерогативы старого сословия всадников)⁵⁹.

Следующим сословием были землевладельцы-куриалы (*possessores*), включая муниципальную верхушку - принципалов. Куриалам соответствовали члены промышленных корпораций в столицах, прикрепленные к предприятиям.

В плебейское сословие входили: мелкие землевладельцы, сами обрабатывавшие свою землю; ремесленники; торговцы-негоциаторы, записанные по городам в списки-матрикулы; сюда же юридически относились и колонны, фактически представлявшие собой отдельное сословие. Динамика социальной структуры позднеантичного общества вела к превращению к V в. большинства городского плебса в лиц, живущих собственным трудом. Часть плебса люмпенизируется, часть - переходит в клир и монашество (особенно с V в.)⁶⁰.

⁵⁵ Новицкая К.И. *Defensor civitatis* // ВДИ. 1965. № 2. С. 113-122.

⁵⁶ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.1. К., 1913. С. 69. В целом о сословии см.: Arnheim M. *The senatorial aristocracy in Late Roman Empire*. Oxf., 1972.

⁵⁷ Курбатов Г.Д., Лебедева Г.Е. Византия... С.69.

⁵⁸ Чекалова А.А. Представления о знатности в Византии IV - I пол. V вв. // ВВ. Т.51. М., 1990. С.33.

⁵⁹ Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи // ВВ. Т.24. М., 1964. С. 35 -56.

⁶⁰ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия... С.67.

Бюрократия (*officiales*) не была отдельным сословием; чиновниками считались все, кто поступал на государственную службу. Эта служба подразделялась на гражданскую, военную и придворную⁶¹. Отсюда - и некоторая специфика ценностных ориентаций каждой из этих групп. Куриалы могли занимать только низшие должности в государственном аппарате, поэтому государственная служба сделалась фактически монополией сенаторов, в среде которых образовывались различные политические группировки. Государственными служащими считались такие корпораты - работники разных служб, имевших государственное значение (рабочие государственных предприятий - *fabricenses*, рудников - *metallarii* и др.). Не следует преувеличивать степень бюрократизации Римской империи. Количество лиц, фактически исполнявших постоянную государственную службу, было невелико. По некоторым подсчетам, в IV в. на всю огромную империю от границ Каледонии до Евфрата аппарат государственного управления состоял не более чем из 40 тыс. чиновников⁶².

То, что для ранней Византии оказывалась исключенной возможность тотальной и всеобъемлющей бюрократизации государственности и системы управления империей было наследием высокой степени автономии полиса⁶³.

Новая военно-служилая знать, кадровый офицерский состав формируются уже с конца II в. из всадников. В III веке всадники прочно утвердились на командных должностях. Одновременно появляются новые полководцы из низших социальных слоев⁶⁴.

Военная знать вела постоянную борьбу с гражданской сенаторской. С установлением домината вопрос о власти был окончательно решен в пользу военных. С 282 года "утвердилось военное господство, а у сената был вырван империй и право провозглашения принцепса"⁶⁵. В дальнейшем сенаторы несколько потеснили военных, но с 364 г. милитаризация государства вновь растет, и уже неуклонно. На протяжении I половины IV в., в условиях относительного мира и экономического подъема военная знать представляла собой только незамкнутую социальную группу, всецело связанную с государственным аппаратом⁶⁶. В дальнейшем при западном дворе усиливается влияние военных клик, уже изрядно разбавленных варварами.

Итак, позднеантичное общество было глубоко стратифицированным, хотя формально соблюдало принцип равенства всех граждан перед законом. Государство закрепляло своих подданных в наследственном состоянии и проводило политику жесткого социального консерватизма. В Поздней Римской империи шел процесс формирования сословий в собственном смысле, т.е. социальных групп, чье положение в обществе различается юридически. Сословное неравенство неизбежно должно было быть закреплено законом.

⁶¹ Курбатов Г.Л. История Византии. М., 1984. С. 41.

⁶² Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. Л., 1991. С. 7-18.

⁶³ Там же. С.95.

⁶⁴ Глушанин Е.П. Позднеримская военная знать и государство раннего домината // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул, 1988. С.70.

⁶⁵ Aurel. Victor. De caes. 37,5.

⁶⁶ Глушанин Е.П. Позднеримская... С. 77.

Вопреки этому императорское законодательство пыталось еще настаивать на равенстве свободного населения перед судом⁶⁷. Но на практике юридическое неравенство уже возникает. Широко распространяется обычай прикрывать себя на суде именем влиятельного магната. Важное лицо могло тем самым использовать свое имя для прикрытия любого беззакония.

Императоры не смогли поднять авторитет судей выше авторитета частных лиц из числа “могущественных”. Поэтому они пошли по пути ограничения подстановки других лиц на суде. Каждому свободному давалось право обращения к императору⁶⁸ для восстановления справедливости и наказания виновных. Но при тогдашних обстоятельствах не только не существовало какого-либо средства противодействовать “сильным”, но и речи не могло идти о решительном и последовательном противодействии императорской власти этому социальному слою. Отсюда - прямой путь к замене государственной юрисдикции частной. Но до поры до времени принцип юридического равенства свободных поддерживался правительством, а также законодательством. Результатом этой консервативной политики было то, что данный принцип не был отменен, пока существовала империя.

§ 7. Культурно-идеологические процессы. Религиозный переворот IV века

Поздняя античность - время бурных и противоречивых процессов в сфере идеологии. Но главное - это постепенность и логическая преемственность этих процессов. Принятие христианства Константином было подготовлено всем предшествующим развитием общественной жизни. Языческое государство нашло свое место в системе новых представлений. Император стал наместником Божиим на Земле, а земное государство, град Земной - преддверием града Божьего. Христианство становится новой опорой императорскому культу. Связь императора с Христом как покровителем являлась непосредственным продолжением и развитием прежней связи императорского культа с языческими богами-хранителями⁶⁹.

На протяжении IV века совершился исторический переворот мирового значения. Вера городского престолярства Восточного Средиземноморья стала верой императора и империи. Из религии мучеников христианство превратилось в религию государства. Оно было удобно для государства тремя особенностями:

- это религия, четко противопоставлявшая «своих» и «чужих» (и этим гораздо более соответствовала духу императорского самодержавия, чем веротерпимые языческие религии),

⁶⁷ Новицкая К.И. Отражение социальной структуры позднеримского общества на судопроизводстве // ВДИ. 1968. №4. С. 143.

⁶⁸ СTh. IX. I,4.

⁶⁹ Абрамзон М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск, 1995. С. 156.

- это религия проповедующая, и там открывающая больше возможностей воздействия на общество, чем другие,

- это религия организованная; общины поддерживали связь между собой, христиански: клир складывался во все более отчетливую иерархию по городам, провинциям и диоцезам⁷⁰.

Словом, христианская церковь как нельзя лучше подошла формирующейся системе домината, поддержав снизу реформы по укреплению государства. Особенно важным было то, что церковь практически заменила собой прежнюю муниципальную организацию.

Серьезным неудобством для государства были догматические расколы христианства. Но и здесь императорское вмешательство помогло - под его давлением было выработано несколько компромиссных редакций символа веры, и в итоге - Никейский.

К концу IV в. союз между империей и церковью был уже тверд, а епископы в городах были не менее прочной, а часто даже более прочной опорой власти, чем гражданские и военные наместники⁷¹.

Необходимо помнить, что смена господствующей религии, а следовательно и смена облика культуры вообще не были резким переверотом, а растянулись на столетие. В 313 г. лишь уравнились чаши весов, а решающий перевес христианство получило позднее.

Старая языческая религия, на которой основывалась вся прежняя система культурных ценностей, претерпела значительные превращения. Если в век Цицерона религиозное чувство у римлян было очень формальным⁷², то Август заложил основы религиозно-морального возрождения в староримском духе. Тогда же начинается экспансия восточных божеств в Рим. В итоге уже при Антонинах вара значительно укрепилась. При Северах наивысшего расцвета достиг религиозный синкретизм⁷³. Аврелиан принял в качестве государственной религии митраизм. Наконец, Юлиан впервые попытался создать религиозно-философское учение язычества и соответствующую ему государственную религиозную организацию⁷⁴.

Окончательная победа церкви в конце IV в. при Феодосии дала сигнал к началу искоренения язычества из общественной жизни. Политическая сила язычников на Западе была сломлена с падением Симмаха⁷⁵, и лишь вдали от столиц еще долгое время продолжала жить античность.

Начавшаяся сразу же с легализацией христианства ожесточенная межконфессиональная борьба заметно отвлекла внимание от язычества. Принимая христианство, Константин пытался найти в нем политическую опору и, может быть, рассчитывал, что церковь поможет империи найти новый принцип власти. Но христианство не было религией, способной служить в руках

⁷⁰ Гаспаров М.Л. Ук. соч. С. 8-9.

⁷¹ Там же. С. 9.

⁷² См.: Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антонинов. М., 1914.

⁷³ Ревилль Ж. Религия в Риме при Северах. М., 1898. С. 111.

⁷⁴ Юлиан Император. Письма // ВДИ. 1970. №№ 1-3.

⁷⁵ Казаков М.М. Епископ и империя. Смоленск, 1995; Шкаренков П.П. Квинт Аврелий Симмах: риторика и политика // ВИ. 1999. № 7.

государства таким политическим орудием, каким являлись языческие культы. Стараясь восстановить единство империи при помощи христианства, Константин ввел в нее новую разрушительную силу - теологические диспуты⁷⁶.

Теологические распри этой эпохи были титаническим усилием создать железную нравственную дисциплину, неоспариваемую и неоспоримую доктрину жизни, способную выдержать все столкновения интересов и страстей в момент, когда новая политическая власть еще не укрепилась в достаточной мере⁷⁷.

После легализации христианства мы встречаем еще на Западе и Востоке оригинальную и упорную работу богословской мысли, уже апологетической по своему характеру, но все еще сливающей христианскую традицию о полухристианскими и нехристианскими плодами греческой философии. Постепенно богословское исследование и творческая мысль уступают место догме⁷⁸.

Для эпохи IV-VI вв. можно выделить три группы внутри христианского общества:

- работающих над развитием богословия - творцов учения (Иероним, Амвросий, Августин, блестящий ряд восточных отцов⁷⁹),

- лиц, которым доступна более или менее эта работа; которые хоть частью, хоть незначительной частью ее усваивают и большинство из которых принадлежит к правящей церкви, занимая места пресвитеров и епископов,

- лиц, которым содержание христианского учения еще чуждо, и которые воспринимают только немногие его стороны⁸⁰.

Первые две группы формируются главным образом в среде образованных людей позднеримского общества, т.е. в среде знати. Знать, прошедшая школы риториков, впитавшая в себя античную культуру и в лице лучших своих представителей живущая ее интересами, дает из своей среды епископов, апологетов христианства и первых князей церкви (см., например, "Исповедь" Августина).

Так продолжается примерно до середины V в., когда в монастырях начинается относительно широкое изучение в основном сформировавшегося богословия, и когда епископства начинают переходить в руки монахов, и наряду с епископами-магнатами выдвигаются и мало-помалу получают большое влияние епископы-монахи, хотя и было бы ошибкой резко противопоставлять одних другим⁸¹.

Резкой разницы между культурой монастырей и светской культурой магнатов первоначально не существовало, и по своему составу монастыри (по крайней мере, на Западе) еще остаются аристократичными.

⁷⁶ Ферреро Г. Гибель античной цивилизации. Киев-Лейпциг, 1923. С. 94.

⁷⁷ Там же. С. 98.

⁷⁸ Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи. М., 1910. С. 1.

⁷⁹ Очерк жизни и деятельности см.: Флоровский Г. Восточные отцы IV в. Париж, 1931 (репринт М., 1992). С. 7-233.

⁸⁰ Карсавин Л.П. Магнаты... С. 2.

⁸¹ Там же.

Некоторое время содержание христианского учения будет состоять только в том, что образованный слой общества сумел, смог и захотел усвоить из учения великих апологетов⁸². И только впоследствии, с консервацией христианской догмы и падением светской интеллектуальной жизни монополия на дальнейшее развитие культуры переходит к церкви.

Светская культура позднеантичной эпохи отличается крайней сложностью. Каждое сословие и конфессиональная группа империи имели свои культурно-идеологические особенности. К этому добавлялись локальные национально-культурные особенности, несмотря на значительную культурную унификацию провинций.

Христианская Европа средних веков стала наследницей погибшего римского Запада, но роль церкви в этом явлении далеко не однозначна. Церковь до самого конца не изменила империи, не предала ее, та сама отозвала легионы и оставила врагам несчастные провинции. Поэтому церковь протянула руку варварам лишь тогда, когда всякое сопротивление стало бесполезным⁸³. Покидая Рим, при виде его гибели и прекращения борьбы, церковь спасла по крайней мере ту долю римской цивилизации, которая могла пережить его⁸⁴.

На Востоке картина была сложнее. Здесь борьба ортодоксальной церкви против язычества была острее, ожесточеннее и глубже, но именно потому, что позиции старой веры были здесь сильнее. Именно на Востоке язычество гораздо дольше сохранялась в среде сельского населения провинций, а также среди части муниципалов⁸⁵.

Великая культурная заслуга церкви этого периода - в усвоении и передаче античного наследия последующим векам, хотя она сама, быть может, совсем этого не хотела.

§ 8. Варваризация

Варварский фактор оказал очень значительное влияние на эволюцию позднеантичного общества. Варвары всегда окружали античную ойкумену, но лишь в III веке нарушилось известное равновесие сил, которое установилось в отношениях империи с варварами в предшествующие столетия⁸⁶.

Вторжения готов в середине III в. были катастрофическими для империи. Лишь мобилизацией всех сил и средств государства удалось отразить эту агрессию. Но это были лишь первые беды начавшегося Великого пересе-

⁸² Там же. С. 3.

⁸³ Наглядная иллюстрация – в деятельности Сидония. См.: Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний // он же. Сочинения. Т. 3. М., 1870; Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Аполлинария Сидония). СПб., 1908; Литовченко Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. № 3 (34). Белгород, 2007. С. 30-38.

⁸⁴ Буассье Г. Падение язычества. М., 1892. С. 530.

⁸⁵ Подробнее см.: Chuvin P. Chronique des derniers païens. P., 1990.

⁸⁶ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003; Томпсон Э.А. Римляне и варвары: Падение Западной Римской империи. СПб., 2003; Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005; Черниенко Д.А. Гунны в Европе. Ижевск, 2003 и др.

ления народов. Нашествие гуннов и битва под Адрианополем 378 г. стали рубежом, после которого варваризация империи стала необратимой. Волей судеб и дальновидной политикой Константинополя главный поток варваров был направлен на Запад.

Варвары, переселившиеся на территорию империи, чаще всего привлекались на военную службу в качестве федератов⁸⁷. Компактные поселения варваров-земледельцев на территории империи становились важным фактором экономической и политической системы государства. Из среды варваров, посаженных на землю, часто появлялись колонны и квазиколонны. Наконец, на военной службе варвары могли достичь самых высоких постов и порой вершили судьбы государства (Стилихон, Аларих, Руфин, Рицимер, Одоакр и т.д.).

Субъективно, по своим ближайшим осознанным интересам, население Римской империи и вторгавшиеся в нее варвары-завоеватели обычно оказывались врагами. Завоеватели несли смерть и разорение.

Если императоры или отдельные магнаты вступали в союз с варварскими племенами, чтобы использовать их в борьбе за власть либо для защиты от вторжения других варваров, то земли для поселения таких союзников отводились за счет местного населения.

Взаимоотношения между империей и каждым варварским племенем зависели от конкретных условий. При этом наблюдалось относительное разнообразие вариантов. Процесс варваризации Запада в V веке стал неизбежен и неотвратим. Отличие Востока в этом отношении - в степени сопротивляемости государственной машины.

Военные границы распадающейся цивилизации представляют собой наглухо заколоченный забор. Но прорыв варварских отрядов через перекрытые границы - обычная судьба универсальных государств⁸⁸. Закрытие и укрепление границ может лишь отодвинуть беду. В данном случае время работает на варваров, постоянно тревожащих своими набегами большую цивилизацию⁸⁹. Наиболее распространенной формой контакта является война, а не торговля. Универсальное государство не в состоянии удерживать варваров под контролем, не сражаясь с ними⁹⁰. Если затяжная война между нарушителями и защитниками границы начинает превращаться в борьбу за приграничную власть, защита рано или поздно рухнет, потому что цивилизация не в состоянии поддерживать все нарастающий темп военного самосовершенствования, вполне доступный варварам⁹¹.

Постоянно растет разрыв в психологическом настрое между цивилизацией и варварами. Борьба истощает, цивилизацию, а для варвара она - смысл жизни (на определенном этапе). В такой ситуации цивилизация решается на

⁸⁷ Коростелин В.А. Варвары-федераты и падение Рима (об эволюции, типологии и классификации позднего федератства в IV-V вв. н.э.) // Вестник МГУ. История. 2006. № 1. С. 44-69; Коростелин В.А. Договорные отношения позднеримской империи с варварами // ВИ. 2006. № 8.

⁸⁸ Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991. С. 541.

⁸⁹ Там же. С. 545.

⁹⁰ Там же. С. 546.

⁹¹ Там же. С. 546-547.

крайние меры: когда все ресурсы исчерпаны, остается попытаться использовать военные достоинства варвара против него самого⁹². Но это средство защиты чревато катастрофой, которую оно и призвано было предотвратить. Вслед за этой неудачей немедленно начинается крушение границ. Такова диалектика взаимоотношений между двумя мирами.

Причины варварского нашествия здесь для нас не столь важны. Нужно остановиться лишь на ряде аспектов влияния варваров на позднеантичную цивилизацию. Прежде всего нашествие варваров почти всегда было “бегством вперед”. Завоеватели - это беженцы, подгоняемые другими, более сильными или более жестокими, чем они. Их собственная жестокость часто проистекала из отчаяния, особенно когда римляне отказывали им в убежище, коего они обычно миролюбиво испрашивали⁹³.

Языческие авторы обычно настроены к варварам резко отрицательно, ведь, будучи наследниками греко-римской культуры, “ни испытывали ненависти к варварам, разрушающим их культуру. Отношение же христиан к варварам было несколько сложнее. Одни выражали отвращение к завоевателям, разорвавшим земли христиан. Другие считали гибель Рима наказанием за преступления римлян. Официальной политикой церкви в V в. становится миссионерство среди варваров (деятельность св. Северина в Норике и т.п.).

У масс зависимого сельского населения приход варваров вызывал двойственные чувства. С одной стороны, колонны боялись свирепых грабителей, но с другой, варвары часто выступали в роли освободителей от гнета магнатов. Парадокс состоит в том, что расселение варваров на римской почве в конце концов удовлетворило всех. В эпоху тяжелых испытаний пронизательные умы видели будущую развязку событий в смешении варваров и римлян⁹⁴.

Для варваров оставалась неизменной притягательность античной цивилизации. Предводители варваров приглашали римлян в качестве советников (достаточно назвать Ореста у гуннов), перенимали римские нравы, украшали себя римскими титулами консулов, патрициев и т.п. Они выступали часто не в роли врагов, а в роли поклонников римского политического устройства. Их скорее можно было принять за преемников римской власти⁹⁵. Завоеватели римских провинций V в. составляли как бы последнее поколение тех иноземцев, которые постепенно, уже с III в. захватывали высшие магистратуры и овладевали империей. Если покорение Цезарем Галлии инкорпорировало в римский мир новые народы и территории, то германскую волну IV-VI вв. Рим «переварить» уже не мог.

Таким образом, два мира как бы шли навстречу друг другу. Деградирующие, внутренне варваризирующиеся римляне опускались до уровня поднимающихся, обретающих внешний лоск варваров⁹⁶.

⁹² Там же. С. 549.

⁹³ Ле Гофф Ж. Ук. соч. С. 12.

⁹⁴ Там же. С. 18.

⁹⁵ Goffart W. *Barbarians and Romans. AD 418-584: The Techniques of Accommodation*. Princeton, 1980.

⁹⁶ Там же. С. 19-20.

§ 9. Мироощущение и ментальность в эпоху поздней античности

Это было поистине смутное время. Уже в III веке в сознании рядового римлянина произошел надлом, вызванный временным распадом государства и варварскими вторжениями. IV столетие было заполнено постоянной *bella omnia contra omnes* (войной всех против всех). Религиозные и социальные конфликты не прекращались. В V в. смятение еще более усилилось, порой доводя население до панического ужаса.

Смута порождалась прежде всего варварскими вторжениями. Яркую и характерную картину умонастроения римлян в Норике дает Евгиппий в “Житии св. Северина”. Быстрый развал административной и хозяйственной организации, голод привели к тому, что умами и чувствами истомленных людей завладели дикие суеверия.

Всеобщее смятение усугублялось страхом. Литература V в. полна рассказов об опустошениях и избиениях людей (Сальвиан, Идаций, Галльские хроники⁹⁷ и др.). Войны, голод, эпидемии, дикие звери, варвары и страшные знамения, конечно, были знакомы античному миру и ранее. Но теперь рушились самые основы общества, и это придавало стихийным бедствиям и войнам совершенно особый смысл. Людьями завладело трагическое ощущение катастрофы.

Конец IV века даже по сравнению с его началом показывает резкое снижение интеллектуального уровня. В Риме “людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и бесполезных”⁹⁸. “Даже те немногие дома, которые в прежние времена славилась серьезным вниманием к наукам, теперь погружены в забавы позорной праздности. ...Библиотеки заперты навек, как гробницы”⁹⁹. “Сенатору легче потерять половину состояния, чем пережить, что за обедом не оказалось того человека, кого он однажды пригласил”¹⁰⁰. Резко упали нравы и на Востоке: император Юлиан сурово порицал жителей Антиохии за их пороки и праздность.

Разгул варварских клик вынуждал даже императорскую семью поступать не по своей воле. Очень характерна судьба дочери Феодосия Великого Галлы Плацидии, отданной замуж за короля вестготов Атаульфа.

В борьбе за власть претенденты легко переходили из одной веры в другую. Так, язычник Аттал, захватив императорскую корону в Риме, принял крещение, но повелел открыть языческие храмы¹⁰¹.

Полное падение жизненной активности и энергии среди последних римлян давно подмечено историками. К V веку процесс упадка интеллектуальной культуры и отмирания творческой мысли зашел столь далеко, что империя уже не имела ни мудрых беспристрастных историков, ни вдохновенных и увлекательных поэтов; языческие писатели все больше впадали в

⁹⁷ Подробнее см.: Болгов Н.Н. Античные письменные источники. Рим. Белгород, 1998.

⁹⁸ *Amm. Marc.* XIV.6,15.

⁹⁹ Там же. XIV. 6,18.

¹⁰⁰ Там же. XXVIII. 4, 17.

¹⁰¹ *Zos.* VI.3-6.

цветистую риторику и откровенное пустословие, а христианские авторы заботились лишь о прославлении своей религии, пренебрегая исторической достоверностью¹⁰². Так наглядно проявилось действие возраста римского этноса, который, исчерпав свои силы, начал перерождаться.

Очень популярным в то время было “пророчество Веттия” из Варрона. Уже в III в. его вспоминает Цензорин: “Миновал невредимо 120 лет, пребудет римский народ до 1200...”¹⁰³ Срок, отмеренный Риму, истек в середине IV в. Аларих пришел через полвека.

Трудящееся население, особенно сельское, было настолько задавлено налогами, что никаких симпатий по отношению к государству у него не осталось¹⁰⁴. Последние остатки надежд рассеялись вместе с первыми прорывами варваров через границы. Теперь государство не могло обеспечить своим подданным никакой безопасности. На Востоке, где оборона велась успешнее, острота проблемы была несколько смягчена.

Не будет ошибкой отметить известную дифференциацию поведенческих стереотипов и образа мыслей отдельных социальных групп Поздней империи. Общие умонастроения эпохи были кратко освещены выше, но, на наш взгляд, необходимо более подробно остановиться на менталитете западно-римского магнатства. Это была главная общественная сила, хранившая античные традиции. Кроме того, эта проблема достаточно хорошо освещена в источниках.

Имперская знать в своем большинстве уже давно оставила активную политику. После военной анархии III в. сенат потерял последние признаки законодательной власти. Политической деятельностью сенаторов осталось лишь прохождение необходимого для поддержания чести предков *cursus honorum*, после которого лучше всего было удалиться в свои виллы, чтобы жить среди друзей и книг. Политическое мировоззрение знати - патриотические мечты и реминисценции древнего Рима - скорее настроения, чем взгляды. И только силой обстоятельств эти магнаты превращаются в политиков¹⁰⁵.

Магнаты не любили город, но часто и подолгу жили в нем. Их призывали туда празднества, общественные дела и развлечения. “Немногие магнаты, пережившие резню (набег варваров), просили у императоров цирковых игр, точно лучшего лекарства для опустошенного города”¹⁰⁶. В городе магнаты виделись с друзьями и толпой стремились туда, где останавливался император и давались особенно блестящие зрелища и пиры (как в 461 г. в Арле)¹⁰⁷. В городе они часто бывали и по делам: личным, муниципальным, провинциальным. Но симпатии магнатов были на стороне сельской жизни. О

¹⁰² Федорова Е.В. Люди императорского Рима. М., 1990. С. 321.

¹⁰³ Цензорин. Книга о дне рождения // ВДИ. 1986. № 3. Гл. XVII. Рим просуществовал в традиционных исторических рамках 1229 лет (753 г. до н.э. – 476 г. н.э.).

¹⁰⁴ Подробнее см.: Евтухов И.О. Концепция человека поздней античности / Автореф. канд. дисс. Минск, 1991.

¹⁰⁵ См.: Либаний. О патронах, 4-10; Против Флоренция, 22-23; Литовченко Е.В. Roman Decadence: эпоха глазами позднеримской аристократии // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2007. С. 178-179.

¹⁰⁶ Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи. СПб., 1908. С. 7.

¹⁰⁷ Sid., Epist. I,II,10.

виллах, их обстановке, мелких деталях быта часто пишут Авзоний, Сидоний, Рутилий Намациан, Павлин Испанский, Руриций и др.

Источники часто говорят о хозяйственных заботах магнатов, о защите от разбойников: “Если бы я мог воспользоваться здоровым воздухом полей, я давно восстановил бы свое здоровье. Но окрестность теперь полна разбойниками, и поэтому пусть лучше терзает тебя противный город, чем угрожают опасности сельской жизни”, - пишет Симмах¹⁰⁸.

Доминирующее настроение у позднеантичных писателей-магнатов - наслаждение и удовлетворение жизнью, кругом друзей и литературными интересами. Источник таких эмоции - ощущение традиционного, переданного от великих предков строя жизни. Магнатам ничего не хочется, либо им хочется только того, что у них уже есть в изобилии, и это - черта, наиболее характеризующая настроения этого круга¹⁰⁹.

Чем хуже шли дела империи, тем с большей любовью магнаты лелеяли образованность. Они как бы предчувствовали время, когда не придется уже украшать свой род отличиями новых должностей, и когда образование останется единственным отличием знатного человека¹¹⁰.

Последние интеллектуалы остро ощущали свою исключительность и отсутствие преемников. В одном из писем к другу Сидоний выражается так: “В тебе, покуда ты жив и говоришь, с падением на границе латинских прав не умолкла еще латинская речь”¹¹¹.

Сохранение государства на Востоке империи в значительной степени поддерживало и существование последнего слоя государственных служащих-язычников или формальных христиан. Еще на самом рубеже V-VI вв. создается чисто языческая “История” Зосима (498 г.). Еще работает последний философ-неоплатоник Прокл (ум. 485 г.). Еще не закрыта Афинская школа (до 526 г.). Светский образ жизни, занятия философией или государственная служба оставались питательной средой для сохранения традиционного мировоззрения¹¹². Еще в VI в. Агафий, Павел Силенциарий, Македоний Консул пишут чисто античные эпиграммы, а Прокопий создает последнюю монументальную “Историю” по античным канонам.

Неизбежным следствием принятия христианства большинством населения империи был всевозрастающий отказ верующих от служения обществу, концентрация на личных духовных переживаниях и появление презрения к окружающей жизни. Это повлекло за собой ослабление государственных и семейных связей, распад общественных структур. Люди зачастую отказывались защищать свой родной край и даже продолжать свой род. В стремлении спасти свою душу и души своих близких, они равнодушно смотрели на то, как гибнет окружающий их реальный мир, который стал для них символом греховности¹¹³.

¹⁰⁸ Symm. Epist. II,22.

¹⁰⁹ Карсавин Л.П. Магнаты... С. 16.

¹¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹¹ Sid. Epist. VIII.6, 11-12.

¹¹² См.: Козлов А.С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // АДСВ. № 15. Свердловск, 1978.

¹¹³ Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 396-397.

В эпоху поздней античности росло локальное самосознание, сужался кругозор. Человек замыкался не только в своем внутреннем мире, но и в реальном мире укрепленного поместья, монастыря, города. Практически прекратились какие-либо частные поездки по частным делам.

Таков был этот суровый мир, которому не были нужны энергичные и талантливые люди, который предоставил каждому искать спасение по своему усмотрению - на Земле или на небесах.

* * *

Итак, поздняя античность – это не просто переходная эпоха, а время, отличающееся глубоким своеобразием, которое завершает историю античной средиземноморской цивилизации.

Главным элементом позднеантичной цивилизации было государство. Это была огромная тотальная организующая сила, влиявшая на все формы общественной жизни.

Сложные и противоречивые процессы, происходившие в экономике, политике, культуре позволяют поставить вопрос о многовариантности исторических перспектив развития общества в то время. Выбор пути развития зависел от ряда конкретных условий и обстоятельств, и прежде всего - от состояния государства.

Мы наблюдаем общий кризис цивилизации, процесс разложения ее структурообразующих элементов, но мы видим также и процесс ее перерождения, трансформации. Развал государственной машины и вторжения варваров, на Западе пресекли возможность эволюционного пути. Римляне последних веков привыкли видеть империю разделенной между многими властителями, не допуская в мыслях существования вместе многих империй¹¹⁴. Символ единой мировой власти римского императора достался в наследство средним векам именно от античности последних веков. Главной идеей, которую усвоили новые народы от погибшего Рима, была идея государства, приобретающая форму «римского мифа».

В V в. главной защитницей общественных интересов была церковь¹¹⁵. Постепенно на Западе она заменила собой государство. В этом ее непреходящая роль сохранения цивилизованных форм общественной жизни.

История дала два варианта преодоления общественного кризиса в эпоху поздней античности. На руинах старого мира родились новые цивилизации, но они восприняли от него формы и облик именно поздней античности.

¹¹⁴ Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. Т. 2. СПб., 1901. С. 54.

¹¹⁵ Литтре Э. Аббатство, монахи и варвары на Западе. Падение Римской империи. Киев, 1889. С. 113.

Часть 2.

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИТОГ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

§ 1. Доминат и его историческая эволюция

Позднеантичная политическая система, известная под названием домината, сложилась не сразу. В течение трех веков от Августа до Диоклетиана совершалось непрерывное развитие административного механизма империи¹¹⁶. Уже со 2-й половины II в. император стал главнокомандующим своей армии и надолго покидал столицу. Центр управления переходил в военный лагерь - ставку императора, и это вызвало возникновение новых органов для посредства между ним и центром государства. Особенно яркий характер военной монархии государственный строй Рима приобрел в III веке. Септимий Север открыл провинциалам доступ к высшим военным должностям. В начале II в. был введен институт кураторов как главное звено новой фискальной политики. Аврелиан возложил на кураторов ответственность за сбор налогов с опустевших земель, а в случае невозможности обеспечить это, заброшенные земли переходили к магнатам, которые могли бы их заселить и обеспечить сбор государственных налогов. Так наметился союз императорской власти с магнатством, получившим дальнейшее развитие при доминате.

Главной задачей всякой политической системы, основанной не на преемственности, а на выборе, является установление такого способа избрания, который не допускал бы нарушения избирательного принципа путем обмана или насилия. Органом, который фактически узаконивал власть императора путем передачи ему конституционных прав, являлся сенат. Но по ряду причин сенату не удалось утвердить за собой эту власть в достаточной мере, чтобы иметь возможность осуществлять ее во всех случаях. Смута III в. ликвидировала прежние принципы законности и авторитета. Чтобы спасти государство, нужно было восстановить порядок и найти для него твердую опору.

Диоклетиан, подавив мятежи и укрепив свою власть, провел ряд реформ, построивших основы системы домината. Император был объявлен настоящим монархом, а все население империи - его подданными. Усилившийся императорский культ был облечен в пышные восточные формы внешнего церемониала.

Среди реформ Диоклетиана главной была административная. Она была призвана создать единую, унифицированную административную систему с гибким управлением. Для этого был произведен передел провинций. В 296 г. был ликвидирован особый статус Египта, включенного в единую административную систему империи. На ординарные провинции была поделена и Италия, также лишенная особого статуса. 10-12 провинций объединялись в диоцезы во главе с викариями (297 г.). 3 диоцеза составляли владение одного

¹¹⁶ Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungen bis auf Diocletian. B., 1905.

тетрарха. Система тетрархии позволяла более оперативно руководить событиями на местах. Императоры теперь не имели постоянных столиц, а находились в более-менее постоянных резиденциях. В то же время младшие тетрархи находились в строгом подчинении у старшего августа. Такая система позволила разукрупнить и в то же время централизовать управление.

Диоклетиан начал военную реформу. Он ввел рекрутские наборы из магнатских владений, стал широко привлекать в армию варваров-наемников (*limitanei, gentiles, laeti*) и целые отряды федератов. Количество легионов было увеличено до 72, но их размеры были сокращены. Общая численность всего войска составила около 600 тыс. Общая продолжительность службы составила первоначально 20 лет¹¹⁷.

Очень важной реформой было отделение военного управления от гражданского. Главной задачей гражданской администрации было обеспечение бесперебойного поступления налогов. Единообразное гражданское управление было создано в пределах всей империи.

Особым своеобразием отличалась финансовая политика домината. На первое место в ней вышли прямые налоги - поземельный и подушный. Для их введения была проведена перепись населения империи. Сложившаяся налоговая система получила название *jugatio-capitatio*. Показательным моментом политики Диоклетиана был эдикт 301 г. о ценах, установивший максимальные цены на важнейшие товары, максимум наемной заработной платы и транспортные перевозки.

Очень важным вопросом были поиски идеологической основы нового режима. Уже принятие Аврелианом митраизма в качестве государственной религии было актом глубокого политического значения. Предпринималась попытка найти в мистическом восточном абсолютизме тот принцип законности, который заменил бы прежнее узаконение власти императора сенатом. Диоклетиан решительно вернулся к плану Аврелиана, остановленному последней реакцией старого римского и сенатского духа¹¹⁸.

В 293 г. Диоклетиан официально установил принцип божественности императоров: правители являются рожденными от богов и создателями богов (*a deis geniti et deorum creatores*). Августы приняли титулы *Iovius* и *Herculius*. Митра получил статус божества, от которого император и империя получают свою силу¹¹⁹.

Самым трудным вопросом нового политического устройства был вопрос о преемственности императорской власти и престолонаследии. Эту проблему должен был разрешить принцип кооптации.

Таким образом, главными принципами политической системы империи при Диоклетиане были: тетрархия, божественность императоров, выборы правителей путем кооптации. Эти реформы с точки зрения греко-римских традиций явились крупным переворотом. Еще в эпоху принципата основную часть администрации всех уровней в империи составляла аристократия. Она

¹¹⁷ Подробнее см.: Ван Берхэм Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.

¹¹⁸ Ферреро Г. Указ. соч. С. 46.

¹¹⁹ Там же. С. 57.

является замкнутым органом, который не создается быстро и не развивается по желанию (как бюрократия). Поэтому Рим всегда следил за тем, чтобы не расширить империю до той степени, когда количество администраторов, которое могла выставить его аристократия, оказалось бы недостаточным. Поэтому также Рим всегда стремился управлять империей посредством возможно меньшего числа администраторов и широко использовал муниципальное самоуправление.

Окончательно уничтожив аристократическую структуру государства, Диоклетиан тем самым устранил главное препятствие к воцарению христианства в империи¹²⁰. Кроме того, пришлось создавать новый административный аппарат сверху донизу, и при этом нельзя было идти по иному пути, кроме как создавая слой чиновной бюрократии, чтобы заполнить образовавшийся вакуум. Но и в этих условиях власти отдавали предпочтение старой аристократии как наиболее подготовленной. Поэтому прослойка незнатных выскочек, занявших места среди государственных чиновников, была небольшой.

При Константине система домината сложилась окончательно. Установившееся единовластие ликвидировало тетрархию, но существовавшее административное деление было сохранено в виде 4-х префектур, 14-ти диоцезов, 117 провинций. Вне префектур были оставлены лишь три провинции: Ахайя, Африка и Азия; ими управляли проконсулы.

Военная реформа была завершена разделением войск на полевые и пограничные. По указу 319 г. военная служба становилась наследственного Высшую военную власть в империи получил *magister militum*. Его функции постоянно увеличивались, и с конца IV в. он стал фактически самым могущественным лицом в центральном управлении. Со времени Констанция в каждой префектуре стало по два военных магистра, командовавших пехотой и конницей. Командирами пограничных подразделений стали дуки.

При Константине оформляется двор с обширным штатом придворных, формируется иерархия должностей и званий.

Константин стремился к установлению абсолютной наследственной монархии. Это очень удобная политическая система, которая простым способом разрешает обе главные задачи каждого правительства: единство и преемственность власти. Но, отказавшись от принципа божественности персоны императора, Константин не нашел в христианстве прочной политической опоры. Христианство освящает саму императорскую власть, а не личность конкретного правителя. Поэтому династия не могла быть прочной. В 353 г. Константин разделил империю между тремя сыновьями и племянником. Решить задачу создания законного и прочного принципа верховной власти не удалось¹²¹.

Во 2-й половине IV в. вновь появляется институт соправительства как прелюдия к окончательному разделению империи. После 395 г. администра-

¹²⁰ Ферреро Г. Указ. соч. С. 68-69.

¹²¹ Рубцов П.В. К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 70-79.

тивные системы обеих половин империи оставались однотипными и не претерпели принципиальных изменений на протяжении V века¹²².

Таким образом, систему домината следует считать сформировавшееся в результате реформ Диоклетиана-Константина. В дальнейшем доминат испытал определенную эволюцию, главным содержанием которой было стремление повысить эффективность работы государственного аппарата.

Со временем возрастала роль бюрократии, армии, сокращалась реальная власть гражданской администрации¹²³. Нарастал все более глубокий разрыв между теорией и практикой управления, понижалась степень исполнимости законов. Государство все больше и больше теряло свои функции в пользу частной магнатской администрации.

Коллапс государственных институтов и падение государства на Западе были результатом многих факторов, но главный из них тот, что система домината не справилась с общественными процессами и изжила себя.

§ 2. Общая концепция позднеантичной государственности

а) Основные задачи позднеантичного государства

Будучи главной общественной силой эпохи поздней античности, государство было призвано прежде всего сохранить, связать воедино и законсервировать распадавшиеся общественные структуры.

Собственно говоря, только при Августе впервые в истории античной цивилизации формируются элементы постоянного государственного аппарата¹²⁴. Но муниципии до самого конца античности продолжали оставаться основой общественной жизни и культуры¹²⁵. В процессе постепенной деградации муниципальной организации сложное самоорганизующееся общество неизбежно должно было пойти по пути усиления публичной власти, отделенной от основной массы населения.

Строй позднеантичной неограниченной монархии был прямым порождением упадка античного полиса. Таким образом, усиление централизованной государственности было следствием падения значения полисной организации. Именно государство брало на себя часть традиционно полисных функций, которые более не могли выполняться. Полис оказался поставленным под более жесткий государственный контроль, но, в том числе, и ради сохранения его самого.

Со временем очень важной задачей государственной администрации стала организация обороны империи от варваров. Старая система не могла оправиться и с этой проблемой. Готские рейды в самое сердце Греции в III в.

¹²² См. образцовый источник по административной и военной структуре империи: *Notitia Dignitatum...* / Ed. O. Voeking. Bonn, 1839. V. 1-2.

¹²³ Рубцова М.В. Гражданская администрация Поздней Римской империи в изображении Аммиана Марцеллина // *Власть, политика и идеология в истории Европы*. Барнаул, 2005. С. 80-94.

¹²⁴ См. дискуссию о концепции римской государственности Е.М. Штаерман: ВДИ за 1989 г.

¹²⁵ Кубратов Г.Л. Ранневизантийские портреты. С. 41.

наглядно это доказали. Военные реформы позволили создать более бое-способное войско, а финансовые были призваны обеспечить его материаль-но.

Сокращение муниципального землевладения, упадок рабства, развитие колоната как формы зависимости, требовавшее также и государственного принуждения, - все это приводило к тому, что империя превращалась из объединения полисов в значительно более сложное территориальное образо-вание, в котором весьма значительное место занимали владения, не находив-шиеся под контролем органов муниципального самоуправления. Все это тре-бовало усиления прямого административного управления. Вследствие этого складывается сложная территориальная иерархия управления.

Главными функциями и задачами управления при доминате были гра-жданские. При всем возросшем значении военной деятельности, она была подчинена задачам и интересам гражданского общества¹²⁶.

Установление домината было определенным социальным компромис-сом. Для выхода из кризиса и организации обороны от варваров в империи были упрочены принципы сословности, более четко определяются и регла-ментируются права и обязанности каждого из сословий. С конца III в. глав-ной задачей социальной политики государства становится консервация соци-альной структуры, прикрепление каждого подданного к своим занятиям и функциям. Естественно, что в этих условиях особое внимание уделялось сохранению порядка, недопущению и подавлению восстаний. С этой задачей, правда, позднеантичное государство справлялась далеко не полностью. Показа-телем этого может служить появление в сальтусах и муниципиях отрядов самообороны.

Одним из ведущих реальных направлений внутренней политики позднеантичного государства было поддержание городов и городской жизни. Уже со времени Константина забота о городах, городских нуждах, строитель-стве, снабжении была официально вменена в обязанность правителям и соот-ветствующим чиновникам¹²⁷. Здесь наиболее ярко проявился позднеантич-ный государственный консерватизм.

Огромную роль государство отводило епископам как “защитникам” го-родской общины¹²⁸. Введение института *Defensor Civitatis* было призвано до-полнить и укрепить муниципальную организацию. Т.обр., мы можем свести основные задачи позднеантичного государства к организации общественной жизни в условиях глубокого кризиса. Выход из кризиса виделся государ-ственной властью в консервации социальной структуры и социальных отно-шений¹²⁹.

¹²⁶ Там же. С. 42.

¹²⁷ Jones A.H.M. *The Decline of the Ancient World*. L., 1966. P. 250.

¹²⁸ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феода-лизму // *Город и государство в древних обществах*. Л., 1982. С. 68.

¹²⁹ Антонов О.В. К проблеме своеобразия государственного управления Римской империей в IV в. // *Власть, политика и идеология в истории Европы*. Барнаул, 2005. С. 26-36.

б) Социальная опора и потенциал позднеантичного государства

Наблюдая несомненный факт укрепления позднеантичного государства в IV веке, необходимо рассмотреть диапазон его возможностей и социальную опору.

Эволюция античной государственности происходила в строго определенном направлении: от тотальной власти гражданского коллектива при нерасчлененности государства и общества к тотальной власти государства, резко отделенного от гражданского общества и противопоставленного ему. Иными словами, античная государственность шла по пути постепенного вызревания государственных институтов и перехода к ним функций управления от самоуправляющегося гражданского общества.

Доминат был закономерно и логически последней исторически сложившейся формой античного государства. В рамках данной цивилизации других форм государства быть уже не могло. То, что эта последняя форма приняла вид неограниченной монархии - не редкость в истории. Подобный феномен часто возникает в конце цикла развития многих цивилизаций, причем имперский фактор не обязателен, но част.

Главная суть абсолютистской государственности периода упадка цивилизации заключается в том, что исчерпаны возможности дальнейшего политического развития. Гибель римского мира могло отсрочить только сильное государство. Оно должно было иметь тотальный характер и контролировать жизнь каждого своего подданного.

Анализ политики Поздней империи показывает, что потенциальные возможности позднеантичного государства были невелики.

На пути позднеантичного мира стояли неразрешимые проблемы. Восстановив единство распавшейся в III в. империи, Диоклетиан и Константин не смогли создать легитимного и устойчивого принципа верховной власти¹³⁰. В силу мощного воздействия консервативных античных политических традиций, а также из-за позиции церкви в империи не утвердилась наследственность и неделимость императорской власти. И в эпоху домината происходили случаи узурпации власти путем провозглашения императоров в провинциях¹³¹.

Диоклетиан не имел никакого другого источника своей власти кроме права силы. Подвести под этот сомнительный источник какое-либо легитимное основание было невозможно. Новый устойчивый принцип власти так и не появился. Церковь освятила власть императора, но этого было недостаточно.

Другой важнейшей проблемой, стоявшей перед режимом домината, была проблема поисков социальной опоры режима. Несмотря на то, что при абсолютистском строе государственная власть приобретает известную самостоятельность и выступает от имени всего общества, ей требуется непосредственная поддержка определенных социальных групп, заинтересованных в

¹³⁰ Ферреро Г. Ук. соч. С. 45.

¹³¹ См., например, Zos.IV.16 о провозглашении Фирма в Северной Африке в 372 г. императором римлян.

стабильности данного режима. Социальная политика императорской власти в IV-V вв. дает нам возможность проследить, как и где режим искал себе опору.

Политика государства в отношении сословий имела в то время известную “античную” традиционность и направленность¹³². Обычно отмечают, что эта политика проводилась в интересах узкого слоя крупных собственников, была разорительна для городов и курий, разоряла и превращала в колонов и зависимых людей массу свободного трудящегося населения, углубляла и закрепляла противоположность между *honestiores* и *humiliores*. Это верно, но лишь отчасти.

Непосредственной опорой режима домината были люди, чье благосостояние прямо зависело от него: служилая аристократия, мелкие чиновники, армия. Старые сенаторские роды на Западе составляли языческую оппозицию потому, что имели крупную земельную собственность, не зависевшую от государства напрямую, а потому и не страдавшую в сильной мере от податного гнета со стороны центрального правительства¹³³.

Целью Константина при перенесении столицы в Новый Рим было пространственное отделение новой служилой аристократии от родовитой знати, определение постоянного пристанища своему двору и имперской администрации, попытка поднять значение служилой аристократии до уровня родовитой знати¹³⁴.

Западная сенаторская знать всецело связывала свои интересы с западными провинциями, где находилась их земельная собственность¹³⁵. Происхождение, давность рода для этих людей означали все. Иногда отдельные сенаторы занимали посты в центральной администрации, рассматривая свою службу как фактор социального престижа, но не служба, а происхождение определяло их принадлежность к сенату. Отсюда понятна перманентная оппозиционность сенаторов Запада к императорской власти. Если на Западе “конфликты сената с императором составляли главную тему империи”¹³⁶, то на Востоке этого не произошло. Политика императоров по отношению к западным сенаторам была политикой сдерживания, ограничения их доступа к реальной власти. “Выключить” сенатскую знать из реального управления империей можно было лишь путем предоставления им полной власти в своих сальтусах.

В кризисные для империи времена основной опорой власти была армия. В конце III - начале IV вв. государство старалось поддерживать военных. Дислокация воинских частей по всей территории империи и необходи-

¹³² Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. С. 125.

¹³³ Козлов А.С. Основные черты оппозиции правительству Феодосия I в восточной части Римской империи // АДСВ. № 12. Свердловск, 1975. С. 72.

¹³⁴ Чекалова А.А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. Т.50. М., 1989. С. 52.

¹³⁵ Matthews J. *Western Aristocracies & Imperial Court AD 364-425*. Oxf., 1975. P.30.

¹³⁶ Jones A.H.M. *The Late Roman Empire*. V.1. P. 143.

мость удовлетворения потребностей воинов, страдавших от постоянного роста цен, вызвали к жизни всеобщий имперский Эдикт о ценах 301 г.¹³⁷

Позднеантичная военная знать - достаточно замкнутый, наследственный социальный слой, состоящий из высших военачальников империи, связанных между собой родственными узами. Их экономическая мощь, позволявшая содержать собственных букеллариюв, давала им возможность вмешиваться в формирование политики государства¹³⁸.

Констанций, а затем Валент проводили политику недопущения вмешательства военных в гражданские дела. Но и в этих условиях военные имели возможности для обогащения. При Валенте магистры подолгу не сменялись на своих постах, как Аринфей (363-379) и Юлий (371-379). Так создался прецедент длительной несменяемости в военном руководстве¹³⁹. Мелкая провинциальная военная элита обогащалась, широко используя возможности государственного аппарата. Одним из таких средств был "военный патронат", появившиеся в середине IV столетия.

При Феодосии I в конце IV в. социальное положение военной элиты в известной степени упрочилось. Магистры получили ряд привилегий: предоставление квартиры после отставки¹⁴⁰, освобождение от *munera sordida* ("грязных повинностей")¹⁴¹ и т.п. Возникновение презентальных армий резко увеличило шансы военных на вмешательство в процесс выработки политики государства. Но на Востоке букелларии в момент своего рождения были больше военно-государственным институтом, чем вооруженной свитой частного лица¹⁴². Мятеж Гайны в Константинополе в 400 г. был восстанием регулярной, а не презентальной армии. Со временем в военной элите все большее значение стали приобретать варвары.

Особое место в социальной политике домината занимает политика поддержки городов и сословия куриалов, что и является характерной чертой именно позднеантичной государственности. Со сложением гос. аппарата домината забота с городах, городских нуждах, строительстве, снабжении была уже при Константине официально вменена в обязанность правителям, соответствующим чиновникам¹⁴³. Забота о благополучии и процветании городов прокламировалась как один из важнейших аспектов политики государства, императорской власти. И это было действительно реальное направление внутренней политики позднеантичного государства.¹⁴⁴

Бесспорно, в позднеантичный период возрастает роль сословия плебеев в муниципальной организации¹⁴⁵, а также на низших административных должностях в государственном аппарате. Фактически только плебеи могли

¹³⁷ Фихман И.Ф. Государство и цены в византийском Египте // ВВ. Т. 52. М., 1991. С. 14.

¹³⁸ Глушанин Е.П. Ранневизантийская военная знать 364-395 гг. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 108.

¹³⁹ Там же. С. 111.

¹⁴⁰ СTh. VII.8, 3.

¹⁴¹ СTh. VII.16, 8.

¹⁴² Глушанин Е.П. Ранневизантийская... С. 120.

¹⁴³ Фихман И.Ф. Оксиринх – город папирусов. М., 1981. С. 226.

¹⁴⁴ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия... С. 19.

¹⁴⁵ Jones A.H.M. The Decline... P. 250.

занимать определенные низшие административные посты¹⁴⁶, и это делало часть плебеев лояльными сторонниками режима.

Позднеантичное государство не могло игнорировать презрительного отношения свободных к производительному труду как к рабскому занятию. Сельский плебс и в позднеантичном обществе был плебсом “второго сорта”, но городской едва ли не до конца античности сохранял значительную часть привилегий. Он был свободен от поголовного обложения, сохранял право требовать раздачи или, во всяком случае, обеспечения снабжения городского рынка, регулирования цен на продукты¹⁴⁷.

Консерватизм социальных отношений и политики находил свое выражение и в том, что при всей заметной степени развития элементов частно-правовых, личностно-правовых отношений, до конца существования позднеантичного общества сохранялось преобладание публично-правовых, примат государственного подчинения и регулирования.

Таким образом, система домината имела определенную поддержку части населения, но старалась не опираться полностью на какую-либо одну из них. Потенциальные возможности режима были невелики, ибо он представлял собой последнюю форму античной государственности, и дальнейшее развитие вело в сторону коренных структурных изменений.

в) Степень устойчивости позднеантичного государства, пределы его гибкости и восприимчивости к изменениям

Режим домината мог сохранять определенную устойчивость по мере сохранения социально-политического равновесия. Баланс интересов различных сословий и социальных групп на протяжении IV в. в значительной степени удавалось сводить к общему знаменателю.

Уже при своем формировании позднеантичное государство проявило довольно значительную гибкость. И это не случайно. Речь шла о судьбе всей античной цивилизации. Поэтому государство должно было выбрать наиболее действенные из всех возможных методов спасения. Реформы Диоклетиана-Константина наглядно показывают, как происходил поиск оптимальных вариантов решения проблемы. Принципиально важно отметить, что этот поиск происходил на базе античных традиций, что и определило направление эволюции позднеантичного государства и наметило диапазон возможного для него маневра.

Эти возможности не были очень велики. Позднеантичное государство должно было совместить три принципа:

- неограниченную централизованную власть,
- имперский универсализм государства,
- муниципии как низшую ячейку социальной системы.

Пока удавалось соблюдать эти принципы, государство было достаточно устойчивым. Но в V в. возможность маневра сузилась. Империя начала

¹⁴⁶ Лебедева Г.Е. Социальная структура... С. 126.

¹⁴⁷ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия... С. 20.

терять провинции, власть императоров лишалась реального содержания. Но подлинный конец поздней античности был связан с гибелью муниципия. Империя как остаточная античная федерация городов с подвластными им территориями умирает окончательно на Востоке к концу VI в. К этому времени город оказался уравненным с деревней в рамках общего административного деления на податные округа - сельские и городские - на основе всеобщего подданства¹⁴⁸. Так изменилась принципиальная основа характера государственной власти. Это изменение произошло мирным эволюционным путем. Подобный переход на Западе оказался невозможным.

Таким образом, Византия дает нам пример значительной гибкости и маневренности государственного аппарата, но за известным рубежом начинается перерождение характера власти, а это означает, что развитию позднеантичного государства в обеих его вариациях был положен естественный предел.

Социальный консерватизм и невозможность реформ, изменивших бы саму основу строя, были важными причинами того, что позднеимперский мир попал в тупик. Выйдя из этого тупика, европейский Запад перестал быть античным римским. Ликвидация Западной империи была не просто устранением государства как главного препятствия на пути развития новых процессов, но и фактически сломом всей прежней социальной системы, сменой цивилизации.

г) Механизм власти. Власть номинальная и реальная. Степень выполняемости законов

Любое государство как главный организатор и регулятор социальных отношений сталкивается с проблемой действенности мер своего управления. Иначе говоря, нужно определить степень выполняемости законов в Поздней Римской империи, а также степень реальной власти по отношению к власти номинальной. Для этого же необходимо кратко рассмотреть механизм власти позднеантичного государства.

В какой степени и почему человек подчиняется законам государства? Несомненно, что в догосударственный период очень длительное время господствует обычное право. Оно на многие поколения вперед задает нормы повседневной жизни и устанавливает стереотипы поведения человека в обществе. Государство возникает как надстройка над сложившейся системой общественных отношений¹⁴⁹. Суть античного полиса как государства в классический период его существования принципиально не была противоположной прежней системе социальных отношений, а логически вырастала из нее¹⁵⁰. Принципат был уже в более значительной степени публичной властью, отделенной от гражданского общества. Наконец, доминат впервые в античной истории приобрел известную независимость от гражданского общества.

¹⁴⁸ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия... С. 81.

¹⁴⁹ Список литературы см. в кн.: Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 306-313.

¹⁵⁰ См. материалы дискуссии по концепции Е.М. Штаерман в ВДИ, 1989 г.

Это общество в период поздней античности представляло собой прежде всего совокупность населения муниципий, принадлежавшего к двум ведущим сословиям: куриалов (владельцев земельной собственности в муниципиях) и плебеев (с точки зрения государства сферой деятельности сословия плебеев были занятия ремеслом и торговлей)¹⁵¹.

Так как куриалы и плебеи продолжали заниматься своими извечными делами, и государство гарантировало им неизменность их социального статуса, не вмешиваясь в служившуюся естественным путем хозяйственную жизнь, эти сословия поддерживали существовавший строй, выполняя императорские указы, не противоречившие их интересам (а они чаще всего не противоречили). Оппозиция муниципальных кругов, заинтересованных в сохранении полисных порядков, не вышла за рамки борьбы с местными чиновниками и риторической критики правительства¹⁵².

В эпоху поздней античности государство применяло меры принуждения и государственного прикрепления колонов к земле. Превращая колонов в адскриптициев («приписных»), государство исключало для них возможность изгнания с земли и, следовательно, гарантировало продолжение хозяйственного существования¹⁵³. Тем самым, колоны нуждались в поддержке своего положения со стороны государства и, естественно, подчинялись государственной власти, видя в нем противовес власти их землевладельца.

Интересы позднеримской армии требовали того, чтобы они были полностью отделены от интересов граждан¹⁵⁴. Источниками пополнения армии в то время были добровольный, налоговый и наследственно-принудительный при значительном преобладании двух последних¹⁵⁵. При доминанте обязанностью бедных стала личная служба, а богатых - снабжение государства средствами¹⁵⁶. Привлекая малоимущих в армию, правительство решало две задачи: нейтрализацию наиболее беспокойного элемента гражданского населения и формирование рядового состава армии как важнейшего звена государственного аппарата. Императоры IV в. предоставляли ветеранам надель, деньги, семена, сельскохозяйственный инвентарь, освобождали от податей¹⁵⁷. Так смыкались интересы государства и рядового состава армии. При соблюдении баланса интересов армия была верной опорой режима.

Служилая аристократия Востока была посредником между императорской властью и муниципиями. Эта роль проявлялась в том, что доступ в константинопольский сенат был довольно широко открыт для куриалов восточных городов. Возможность войти в государственный аппарат и получить доступ к твердому источнику дохода значительно снижала социальное на-

¹⁵¹ Лебедева Г.Е. Социальная... С. 125.

¹⁵² Козлов А.С. Основные черты... С. 75.

¹⁵³ Лебедева Г.Е. Социальная... С. 82.

¹⁵⁴ Финлей Дж. Греция под римским владычеством. М., 1877. С. 102.

¹⁵⁵ Глушанин Е.П. Этнический состав ранневизантийской армии IV в. (варварский вопрос) // АДСВ. Свердловск, 1985. С. 33.

¹⁵⁶ Финлей Дж. Ук. соч. С. 103.

¹⁵⁷ СTh. VII.20, 3.

пряжение в обществе. При твердом выполнении взятых на себя обязательств императорская власть имела в лице служилой аристократии верную опору¹⁵⁸.

Для императорской власти в период поздней античности была характерна уверенность в собственном всемогуществе. Несмотря на огромный штат государственных служащих, осведомителей и т.п., императоры далеко не всегда четко представляли себе пределы своей власти. М.И. Ростовцев в свое время отмечал “пагубную уверенность древнего мира во всеилии государства”, а также “харизматическое восприятие государственной власти”¹⁵⁹.

Императоры были убеждены в своем полном распоряжении не только армией и гражданским населением; знаменитый “Эдикт о ценах” (301 г.) исходил из уверенности в силе воздействия императорской администрации даже на экономические процессы¹⁶⁰. Можно упрекать императорскую власть позднего Рима в непонимании ею функции государства, но ни один политический режим в истории никогда полностью не выражал интересы общества. Любой режим существует до тех пор, пока он в какой-либо степени выражает реальные интересы значительной части населения, но ни один из них не всемогущ, даже самый тоталитарный.

Римский доминат длительное время соответствовал интересам большинства населения империи, или по крайней мере не мешал им. Не случайно, что в представлениях о государе важное место занимало отношение к нему как к основе и гаранту благополучия подданных¹⁶¹. С другой стороны, лозунгом императоров со времени Константина становится утверждение о благе подданных как цели их политики. Феодосий прямо стремился представить свою деятельность как священную обязанность служения народу, для которого он является отцом¹⁶².

Таким образом, механизм власти в поздней Римской империи работал в определенном диапазоне: от совпадения интересов государства и отдельных групп общества до применения достаточно эффективной системы принуждения. Данный механизм не оставался неизменным на протяжении всей эпохи. V век на Западе - классические пример быстрого и полного разложения государства. Среди длинного ряда комплексных причин этого явления не последнюю роль сыграл паралич механизма власти: законы издавались, но не исполнялись. Причина в том, что интересы большинства населения империи разошлись с возможностями властей, и население предпочло организовывать свою жизнь самостоятельно. Маргерит Юрсенар, характеризуя II век н.э., отмечает, что в это время едва ли не впервые в истории человек остался наедине с собой в своей духовной сфере¹⁶³. В V веке на Западе человек оказался наедине с собой во всех сферах. Он лишился опоры со стороны еще вчера всемогущего государства. Такое в истории античной цивилизации произош-

¹⁵⁸ Чекалова А.А. Сенаторская знать ранней Византии. М., 2000.

¹⁵⁹ Rostovtzeff M. The social & economic History of the Roman Empire. V. I. Oxf., 1957. P. 516.

¹⁶⁰ Фихман И.Ф. Государство и цены... С. 14.

¹⁶¹ Чекалова А.А. К вопросу о теории монархии в IV в. // Византийские очерки. М., 1991. С. 14.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ См.: Шичалин Ю.А. “Ужель свободны мы?..” // Греко-Латинский кабинет. №1. М., 1992. С. 11 (“II век был веком последних свободных людей...”).

ло впервые. Человек может существовать без государства, государство без человека - нет. Гибель государства - еще не гибель общества. Постепенно в Западной Европе возникают новые, постантичные механизмы власти, основанные, однако, в значительной мере на принципах римского права.

д) Человек и власть

Представляли ли себе различные социальные группы империи возможность иного государственного строя? Очевидно, что каждый человек в эпоху поздней империи воспринимал свои отношения с властью на двух уровнях. Первый, ближайший - это местные административные органы, муниципальная администрация, позднее епископ. Другой уровень - представления об императоре и его дворе.

Для рядового провинциала, как правило, единственной реальностью был неизменный, ежедневно окружавшие его мир родного города. Редкие наезды чиновников из центра или приход войск не нарушали восприятия общего строя жизни. Восприятие же центрального правительства оставалось всегда в значительной степени абстрактным.

Многовековой уклад жизни мало изменился с установлением доминанта. Менялись экономические условия, нарастал фискальный гнет, иногда прорывались варвары, но все это воспринималось как неизбежные стихийные бедствия. Воочию видеть двор и ощущать его влияние на повседневную жизнь большинство куриалов и плебеев не стремилось, кроме тех случаев, когда им открывался доступ к высшим чиновным должностям. У колонов было еще меньше поводов думать о государственном устройстве державы.

Таким образом, реальное и прямое воздействие государственного аппарата на себе испытывали в основном те слои, которые были с ним непосредственно связаны: придворные, чиновная аристократия, военная знать. Именно в этих кругах и сосредотачивалась вся политическая борьба. Гражданское общество равнодушно взирало на борьбу за влияние при дворе, ибо это ничего не меняло в их жизни.

Между гражданской и военной иерархией существовали порой значительные трения. Постоянные конфликты были на предмет юрисдикции - между дуксами и правителями провинций. Высшие военные командиры часто упражнялись в демонстрации своего превосходства над гражданскими чиновниками¹⁶⁴. Не это не меняло природы существовавшего строя.

Поэтому сложившийся естественным путем порядок управления, выросший из многовекового развития античной государственности, казался рядовым гражданам вечным и неизменным. Никакого другого государственного устройства основная масса населения Поздней империи себе не представляла. Следовательно, и модель отношений человека с властью оставалась стабильной и стандартной.

Существовавший в империи порядок официально считался в принципе приближающимся к идеальному. А значит, в опекаемой богом империи "пор-

¹⁶⁴ Jones A.H.M. The Late Roman Empire. V. I. P. 376.

тить его” могут только сами люди, по мере их возможностей, и следовательно, сами императоры, наделенные неограниченной земной властью и несущие поэтому наибольшую ответственность. Так обосновывалось моральное право оппозиции на борьбу с режимом. Основной линией этой борьбы было не стремление к возврату республиканских порядков и институтов, а желание сохранить некоторые их традиции в политике императорской власти. Речь шла не об изменении существующей системы государственного управления, а о наполнении ее содержания, ориентации¹⁶⁵. Таким образом, и политическая оппозиция в системе “человек и власть” не стремилась к слому существовавших отношений, а касалась скорее идеологии (например, языческая оппозиция и «Дело об Алтаре Победы» в конце IV в.)¹⁶⁶.

§ 3. Политическая теория поздней античности

В позднеантичном государстве режим неограниченной монархии соединил римско-эллинистическую монархическую идею с христианством, а государство - с христианской церковью. Римская императорская идея в связи с эллинистической идеей монархии оформилась в христианской концепции власти. Таковы три источника позднеантичной политической теории.

Теории государства в IV-V вв. имели в качестве своей исходной базы те концепции и тот понятийный аппарат, который выработала эпоха классической античности¹⁶⁷. Полис был фундаментом не только всех политических теорий античности, но и вообще всех античных систем ценностей¹⁶⁸. Эллинизм отработал практику сосуществования сильного автономного полиса с централизованной монархической государственностью. В это время оформилась концепция “царя и царства”: царя - как “божественного мужа”, а царства - как “божественного царства”. Власть правителя была подобна теперь власти богов. Отсюда - священство державы, культ эллинистического монарха и идея гармонии¹⁶⁹. Античные традиции делают государство собственностью монарха, а его самого - частью этого государства.

В Риме сложилась концепция государства как вечной, постоянной и неделимой ценности – “вечный Рим”. Идея священного государства была ближе многим эллинским традициям, чем идея священной личности монарха, сакрализация безличной государственности, гражданского политического сообщества.

Эллинистический универсализм нашел свое продолжение в римском. Идея великой всемирной державы воплотилась не в державе, производной от царя, а в государстве как таковом.

¹⁶⁵ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты... С. 48.

¹⁶⁶ Казаков М.М. Епископ и империя. Смоленск, 1995.

¹⁶⁷ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты... С. 18.

¹⁶⁸ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 29.

¹⁶⁹ Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты... С. 27.

Ориентализация имперской политической практики в III в. достигла своего пика при Аврелиане, когда личность императора стала прямо обожествляться. Чуждые античным политическим традициям тенденции к прямому обожествлению были преодолены при Константине и приняли более мягкую форму. Режим домината во многом опирался на устои и принципы отношений, традиционные ценности античного общества¹⁷⁰.

Политическая теория домината стала концепцией неограниченной монархии-автократии, в которой главной идеей была неразрывная связь императорской власти с идеей государства, освященная христианской церковью.

Концепцию христианской империи разработал Евсевий Кесарийский. По ней император - не живой Бог, но “избранник Божий” и. как таковой - посланник Бога на Земле, заместитель, властитель “Божией милостью”. Отсюда - не только божественное происхождение императорской власти и ее “священность”, но и священность всей ее деятельности как исполнения божественной воли.

Христианство заложило теоретические основы императорской власти как “имитации” власти Бога. Признавая абсолютную трансцендентность Бога, христианство тем самым благословляло абсолютную теократическую монархию.

Евсевий разработал также концепцию “христианской державы” - империи как государства христиан и императора как светского главы своих христианских подданных. Императорская власть считалась ответственной за состояние христианства и церкви.

При Феодосии I “гражданство” окончательно слилось с “христианством”. Империя стала государством христиан и для христиан.

Мощь традиций римской “священной державы”, примат идей государственного интереса достаточно жестко включали в эту систему все общество, все слои его населения в соответствии с их положением. В этом смысле и императорская власть рассматривалась как часть общего мирового порядка.

Духовно-религиозный авторитет императора постепенно становился одним из важнейших компонентов авторитета императорской власти. Поэтому даже в условиях всеобщего распада в V веке на Западе эта власть была необычайно притягательной, хотя и в значительной степени уже символической. Более того, значительная часть средних веков прошла под знаком этого символа, олицетворявшего единство христианского мира («римский миф»).

Для Евсевия основное в императорской власти то, что она является единственным гарантом мира и процветания для подданных.

Взгляды Евсевия получили развитие у ряда последующих авторов. Так, язычник Фемистий считал божественным предназначением императора смягчать существующее в государстве законодательство, ибо механическое исполнение законов не отвечает истинной справедливости¹⁷¹. Царь исправля-

¹⁷⁰ Там же. С. 40.

¹⁷¹ Them. Orat. ad Constanc (I). 20-21.

ет несовершенство действующих законов, потому что он сам - Закон и выше законов.

Либаний в отличие от Фемистия, не верил в гуманность императорской власти, и потому считал, что она должна по крайней мере твердо соблюдать законы. Путь к стабильности в империи он видел в устойчивости институтов власти и прочности положения отдельных социальных групп¹⁷².

В IV в. появилось немало критических взглядов на сущность императорской власти. Критики (Евнапий, Синезий и др.) отмечали, что между императором и населением нет *ομοιοια* (согласия), столь необходимого для представителя греческой цивилизации. Император должен получать свою власть за труды, за активную деятельность по заботе о подданных. Критики исходили из необходимости и непреложности императорской власти, но не принимали той формы, которую она получила после перенесения столицы в Константинополь¹⁷³.

Итак, в политических теориях поздней античности мы видим безоговорочное принятие существующего строя. Разница во взглядах сводилась в основном к различному пониманию конкретного оформления императорской власти.

§ 4. Политика позднеантичного государства: принципы и направления

Во внутренней политике Поздней империи важнейшее место занимала социальная политика. Здесь мы уже касались ее главных принципов и направлений. Пережитки античных политических традиций наиболее ярко выступали в отношении государства к городам. В частности, для снабжения городского населения Италии продолжала действовать прежняя система хлебного снабжения. Государственная опека над подвозом хлеба выражалась в привилегиях для корпорации *навикуляриев*. Роль главной хлебной житницы Запада и главного поставщика оливкового масла продолжала играть Северная Африка¹⁷⁴. Эти провинции менее других были затронуты экономическим кризисом.

В рамках этой же социальной политики крупные землевладельцы должны были принудительно продавать свои запасы государству¹⁷⁵. Реально сохранялись и остатки полисного патриотизма, заставлявшие богатых куриалов поддерживать малоимущих сограждан.

Другим направлением внутренней политики было отношение властей к “закрепощению” колонов магнатами. Императорское законодательство по этому поводу проявляет большую сдержанность, несмотря на то, что превращение колонов в зависимых людей лишало государство прямых налогоплательщиков.

¹⁷² Чекалова А.А. К вопросу о теории... С. 18-19.

¹⁷³ Там же. С. 28.

¹⁷⁴ Дилигенский Г.Г. Ук. соч. С. 30-31.

¹⁷⁵ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия... С. 20.

Консерватизм пронизывал все направления политики позднеантичного государства. Если во внешней политике все было предельно просто - оборона границ и закрытие империи от варварского мира, то во внутренней главным было поддержание социального равновесия, баланса социальных интересов. И в целом этот порядок отвечал интересам большинства населения. От пяти веков существования империи сохранилось большое количество письменных документов. Во всем этом материале не находится ни одного указания, которое обнаруживало бы, что население в целом враждебно относилось к Империи¹⁷⁶.

Императорская власть не держалась на штыках. Она не посылала своего представителя в каждое селение (как в Древнем Египте). Она не назначала множества судей и сборщиков податей и оставила вне круга своей деятельности бесконечное множество функций. Она даже не брала на себя заботы по охране общественного порядка. Еще менее она считала нужным для управления обществом руководить воспитанием молодежи, она не назначала также и членов различных жреческих коллегий в провинциях, еще менее вмешивалась во внутренние дела христианской церкви. Все средства, к которым прибегают современные государства, чтобы поддерживать авторитет правительства, были незнакомы Римской империи, ибо она в них не нуждалась¹⁷⁷. Государственный строй и порядок в империи удовлетворял совокупности интересов ее жителей. Этого было достаточно.

§ 5. Феномен имперской государственности

В первые вв. н.э. римский мир объединил под своим управлением практически все цивилизованные территории Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, группировавшиеся вокруг Mare Nostrum. На Востоке граница с иранским миром надолго стабилизировалась, и несмотря на ряд попыток продвинуться на Восток, римляне положили здесь предел своему Orbis terrarum. Германские и сарматские племена окружали империю с севера, малочисленные номады Африки - с юга. “Круг земель” замкнулся.

В античной цивилизации существовало понятие ойкумены - обитаемого людьми мира. В узком смысле в пределы ойкумены входили страны, населенные греками. Это понятие перешло затем к римлянам. Пределы римского владычества дошли до естественных природных рубежей:

Между жарою и льдом лежит плодородная область
Наша, а против нее другая область простерлась.
Равно-подобны они, и с небом граничащий воздух
Климат обеих смягчит, и холод и зной умеряя:
Вот оттого-то у нас и катятся годы благие¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя... Т.1. С. 208.

¹⁷⁷ Там же. С. 209-210.

¹⁷⁸ Tib. IV.I, 165-169.

Человеку позднеантичной эпохи казалось естественным, что расширение пределов цивилизованного мира происходило в форме расширения Римской империи - мирового государства.

Возникшая как береговая, приморская культура¹⁷⁹, античная цивилизация расширяла свои границы на основе постепенного развития хозяйства и включения новых территорий в единую экономическую систему Средиземноморья. Этот процесс во многом направлялся и продвигался римским государством. Его результатом стало сложение Римской империи как универсального государства античной цивилизации.

Универсальные государства - это симптомы социального распада, возникающие ближе к закату локальной цивилизации; однако это одновременно и попытка взять жизнь общества под контроль, предотвратить падение в пропасть¹⁸⁰. Универсальное государство устанавливается основоположниками, чьи персоны приобретают сакральный характер, и воспринимается подданными как панацея от бед смутного времени.

Непосредственная и высшая цель строителей империи - создать универсальное государство на базе той единственной державы, которой удалось уцелеть в ходе взаимоуничтожения. Поэтому все общественные отношения в значительной степени должны быть проникнуты ненасилием и духом согласия, который становится психологическим климатом универсального государства на длительный период его существования.

В имперском государстве отношения центра с провинциями строятся по двум направлениям: сохранение самого универсального характера государства и сохранение общества, для которого данное универсальное государство является политическим остовом¹⁸¹.

Главные функции провинций империи - сохранение имперской власти и заполнение политического вакуума, возникающего в социальном ядре разлагающегося общества через разрушение или падение местных государств.

Размах, с которым основатели универсального государства выработывают и внедряют методы прямой администрации в качестве мер защиты, несомненно, зависит от степени преданности жителей ликвидированных местных государств своим прежним хозяевам. А это, в свою очередь, зависит от истории того общества, которое включается универсальным государством в свою структуру, и обстоятельств его завоевания. Строители империи, которым удалось установить свою власть одним решающим ударом, имеют меньше шансов удержать ее, чем те, что пришли к власти в ходе длительной борьбы¹⁸².

Устойчивость империи зависела, помимо этого, от того, насколько удачным (в экономическом и географическом отношении) было сочетание входящих в нее элементов¹⁸³.

¹⁷⁹ Вебер М. Ук. соч. С. 5.

¹⁸⁰ Тойнби А. Дж. Ук. соч. С. 485.

¹⁸¹ Там же. С. 505.

¹⁸² Там же. С. 506.

¹⁸³ Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Ук. соч. С. 31.

Объединение в рамках империи территорий с различным уровнем развития экономики и с различной специализацией само по себе является стимулом к дальнейшему развитию. Но в поздних империях происходит выравнивание экономических условий в различных частях империи. Тогда эти части перестают быть дополняющими друг друга партнерами, пусть даже и невольными, а превращается в соперников. Империя тем самым утрачивает экономический смысл¹⁸⁴.

На стадии имперской государственности центр становится относительно независимой от поддержки отдельных элементов общества силой. В формировании социальных структур делегирование власти сверху вниз от правителя к работникам специализированного управленческого административного аппарата становится важнее ее передачи снизу вверх, от рядовых членов общества к функционерам.

Верховные органы управления должны найти необходимые им независимые источники власти, они обеспечивают себе самостоятельность, создавая своего рода “запас” переданной снизу власти, приобретая тем самым возможность маневра. Здесь и прямая концентрация разнообразных ресурсов (продовольствия, топлива) на государственных складах, создание подчиненных правительству профессиональных воинских отрядов, накопление авторитета, кредита доверия, которым пользуется правительство. Правитель получает прочную опору лишь с появлением такого источника власти, который другим членам общества вообще недоступен: монополизация товарообмена с соседями, организация обороны или войны, а также сакрализация гос. власти идеологическими средствами¹⁸⁵, обеспечение психологического единства общества перед лицом “образа врага”.

Таким образом, любой централизованный коллектив есть непременно открытая система, в которой руководство черпает часть власти извне, контролируя источники энергии, находящиеся за пределами среды обитания общества¹⁸⁶. Отсюда - система “ойкумена – варвары”¹⁸⁷.

Отсекая частную жизнь от публичной, империя требовала не личной преданности, даже не доверия, но только усердного исполнительства, чреватого безразличием к ее судьбе.

Пытаясь втиснуть реальную жизнь в уставы и регламенты, империя невольно благоприятствовала вырождению административных процедур в фальсификацию. Участь империи зависела в конечном счете от того, как сложится неизбежный, хотя и негласный, компромисс между имперскими институтами и социальной действительностью¹⁸⁸. Имперские политические структуры могут появиться лишь после достижения обществом определенного экономического и демографического потенциала, но сами они не столько

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Березкин Ю.Е. Инки: исторический опыт империи. Л., 1991. С. 44.

¹⁸⁶ Теоретическое обоснование этого тезиса см. в кн.: Adams R.N. Energy and structure. Austin-London, 1975.

¹⁸⁷ Исследованию этой системы в I-III вв. посвящена кн.: Millar F. The Roman Empire and its neighbours. L., 1981.

¹⁸⁸ Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983. С. 20.

увеличивают этот потенциал, сколько с течением времени растрачивают его¹⁸⁹.

В сущности, структура империй проста. Империю можно уподобить городу-государству, в котором хора не играет самостоятельной политической роли. Взаимоотношения имперской столицы с периферией в той же степени неравноправны, только все процессы осуществляются здесь в несоизмеримо больших масштабах¹⁹⁰.

Подведем некоторые итоги. Для имперской формы государственности определяющими чертами являются политическая и хозяйственная централизация, пирамидальная управленческая структура, господство столицы над периферией, абсолютное преобладание вертикальных общественных связей над горизонтальными - и это, как правило, в обстановке этнокультурной дробности¹⁹¹, которая при благоприятных условиях постепенно нивелируется¹⁹².

Любая империя обречена на гибель, так как постепенно вызревает конфликт между объективным процессом развития общества и механизмом принятия решений в нем. Беда в том, что имперские правящие круги никогда добровольно не идут на реформы, подрывающие основы своей государственности. Тогда империя гибнет от совокупности внешних и внутренних Факторов, либо трансформируясь, оттягивает срок своей гибели на определенное время. Но в любом случае имперской государственности положен естественный предел, и ни одна империя не в силах перешагнуть его.

§ 6. Периферия империи и клиентские государства

Возникшая как береговая, приморская культура¹⁹³, античная цивилизация расширяла свои границы не только путем прямых завоеваний, но и на основе постепенного развития хозяйства и включения новых территорий в единую экономическую систему Средиземноморья. Любая ранняя, базисная цивилизация есть непременно открытая система, руководство которой черпает часть власти извне, контролируя источники энергии, находящиеся за пределами среды обитания этого общества¹⁹⁴. Отсюда – система «ойкумена – варвары» или «центр – периферия – дальняя периферия»¹⁹⁵.

Первоначально периферией ранних очагов цивилизации были синполитейные общества, т.е. первобытная периферия. Со временем появляется ближняя периферия – контактная зона между центром и дальней, варварской

¹⁸⁹ Березкин Ю.Е. Ук. соч. С. 183.

¹⁹⁰ Там же. С. 208.

¹⁹¹ Там же. С. 209.

¹⁹² Для Римской империи этот процесс хорошо прослежен в рамках I-III вв. в кн.: Моммзен Т. История Рима. Т. 5. Провинции. М., 1949. К сожалению, до сих пор нет новой хорошей обобщающей работы по провинциям IV-V вв.

¹⁹³ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 5.

¹⁹⁴ Теоретический анализ см.: Adams R.N. Energy and structure. Austin-London, 1975.

¹⁹⁵ См.: Shils E. Center and periphery. Chicago, 1975.

периферией. Существовали различные типы контактов: мирные и военные, хозяйственные, социальные¹⁹⁶.

Государства, существовавшие на периферии античного мира, могут быть охарактеризованы как клиентские («вассальные») и буферные. Периферийное государство далеко не всегда и не сразу приобретало клиентский статус, имевший свои вариации. Пределом политической эволюции периферийного государства было либо его превращение в римскую провинцию, либо консервация и длительное сохранение клиентского статуса.

В процессе оформления клиентского статуса первое место занимало заключение договора о дружбе с Римом, после чего новый союзник получал титул «друга римлян». В строгом смысле союзников было три рода: 1) провинциалы, покоренные оружием и платившие подать; 2) общины, вошедшие в состав римского государства на основании договора, не будучи покоренными и платившие подать; 3) союзные народы, непосредственно не входившие в состав римского государства.

Союзы Рима были вечными и бессрочными только с республиками. С управляемыми монархически государствами эти союзы были действительны лишь до смерти монарха, с которым они были заключены. Таким образом, каждый новый царь должен был от своего имени возобновлять союз с Римом. Это было фактически равносильно утверждению нового царя.

Согласно договору союзники Рима должны были охранять его границы, получая взамен регулярные субсидии, имперское покровительство и внутреннее самоуправление без права ведения самостоятельной внешней политики¹⁹⁷. При вступлении на престол царь-клиент обязательно получал от римского императора регалии своей власти: курульное кресло, скипетр и пр., которые должны были изображаться на монетах¹⁹⁸.

Ярким показателем зависимого положения клиентских государств, по мнению М.И. Ростовцева, было присутствие римских войск на их территории в различные периоды, хотя этот фактор и не абсолютен¹⁹⁹. «Вассалитет» мог иметь различные степени: полное подчинение, тесная зависимость, формальная зависимость и т.д.

Рим, видимо, не облагал дружественных ему царей прямыми налогами, но пользовался ресурсами их стран, получая различные выплаты, в том числе несением службы. Все это можно рассматривать как форму налогообложения, близкую специальному налогу. Налогообложение натурой было нормой в пограничных областях. Цари, перешедшие на сторону Рима только после завоевания, выплачивали дань более регулярно. Но даже и они, видимо, не обязаны были делать это постоянно²⁰⁰.

Почему же Рим сохранял систему дружественных клиентских государств на протяжении всей своей истории? Общепринятый ныне взгляд ут-

¹⁹⁶ История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 477-485.

¹⁹⁷ Цветаева Г.И. Боспор и Рим. М., 1979. С. 27.

¹⁹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹⁹ Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // Журнал МНП. 328. 1900. С. 140-158.

²⁰⁰ Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4.

верждает, что дружественные царства были пределами римской власти²⁰¹, т.е. власти римского народа (*Imperium Populi Romani*) над территориями, инкорпорированными в римское государство (*Res publica Romana*). Теоретически модель имперского развития предусматривает расширение границ империи до естественных природных рубежей. Границы могут исчезнуть только там, где империя совпадает с сушей, окруженной морем или представляет собой изолированную часть суши²⁰². Римской империи, несмотря на известное приближение, не удалось вывести свои границы до таких пределов. Поэтому феномен периферийных государств существовал в различных формах на протяжении всего имперского периода, защищая Рим от враждебных государств.

Отношения между Римом и вассальными царями могли определяться только согласием, добровольностью и искренностью со стороны дружественного царя. За это Рим предоставлял царям военную помощь и покровительство, а зачастую и различные дары. Римская политика использования дружественных царей как имперских чиновников полностью соответствовала ее общей тенденции допускать и поощрять значительную местную автономию по всей империи²⁰³. Рим крайне редко вторгался в повседневные дела вассальных царств. Царь – «друг римского народа» сам заботился об управлении своим царством. Таким образом, взаимоотношения между империей и ее клиентами носили достаточно взаимовыгодный характер: Рим получал безопасную границу и прочного союзника, клиент заручался покровительством и военной поддержкой империи.

Дружественные цари и клиентские государства были характерным явлением истории многих империй древности и средневековья, не исключая византийский и исламский миры²⁰⁴.

В эпоху поздней античности пояс периферийных государств сохранялся лишь на восточных рубежах Римской империи, где выполнял роль буфера по отношению к иранскому миру (империи Сасанидов). Здесь буферные государства обладали большей самостоятельностью, чем просто периферийные, были более открыты в культурной и идеологической областях. Можно вести речь о целой полосе буферных государств Востока от Боспора на севере до Аравии на юге. Несмотря на значительные внутренние различия, их отношения с империей были в принципе однотипны.

Перенос жизненных центров Римской империи на восток с IV в. временно укрепил господство Рима не только в провинциях, но и в зависимых государствах восточной периферии. Начиная с этого времени для империи особое значение приобретает Восточное Причерноморье, где располагалось Лазское царство. На Лазику ложится обязанность охраны и обороны кавказских перевалов (в первую очередь Мамисонского и Клухорского) от племен Северного кавказа, сдвинутых со своих мест Великим переселением²⁰⁵. В

²⁰¹ Braund D. *Rome and the Friendly King. The Character of Client Kingship*. L.-N.Y., 1984. P. 182.

²⁰² Там же. С. 181.

²⁰³ Там же. С. 184.

²⁰⁴ Фрай Р. *Наследие Ирана*. М., 1972. С. 193.

²⁰⁵ Martin-Hisard B. *Continuite et changement dans le bassin Oriental du Pont Euxin // From Late Antiquity to Early Byzantium*. Praha, 1985. P. 145.

этой связи Прокопий отмечал: «Лазика – не что иное, как передовое укрепление против живущих на Кавказе варваров» (В.Р. II. 28, 25). В Колхиде Риму приходилось считаться с наличием высоких гор и их обширных предгорий, в значительной мере отгораживавших с севера, востока и юга треугольник Колхидской низменности. Эти горы во многом превращали Колхиду в часть Понтийского мира и, таким образом, в часть римской, а затем и византийской сфер влияния, какой никогда не была Иберия, открытая с востока²⁰⁶.

Морское побережье, будучи на периферии колхидской территории, являлось ее экономическим и политическим центром тяжести²⁰⁷. В свою очередь, господство на море для римских войск, стоявших в Колхиде, было жизненно необходимым. Контроль над торговлей и раздача торговых привилегий издавна были инструментом римского империализма. Прокопий в этой связи подчеркивает: «В Лазике совсем нет соли, равно как и хлеба, вина и других земных благ. Все это ввозится к ним на судах римлянами, живущими у морского побережья, и лазы приобретают эти товары не за золото, а за кожи, рабов и все то, что у них есть в излишке» (В.Р. II. 28, 27-29).

По всей видимости, империя хорошо справлялась с ситуацией на Кавказе. Удачное размещение крепостей, оптимальное использование местных географических условий - вот причина большей части римских успехов, но важную роль играли также и дипломатия, и ширококомасштабное развитие местной экономики, поощрявшееся самим присутствием римских войск в Колхиде²⁰⁸.

В политическом статусе Лазики мы видим все основные признаки «римского вассалитета». Еще со II в. царь лазов утверждался на престоле римским императором (Arrian. Peripl. II). Царь считался клиентом императора, но эта зависимость носила во многом формальный характер. Прокопий указывает, что в его время у лазов не было других клиентских обязанностей кроме защиты северных рубежей от кочевников (В.Р. II. 15). Внешним выражением зависимости лазских царей от империи был лишь обычай их утверждения на царство. Агафий перечисляет присылавшиеся императором инсигнии: золотая корона с драгоценными камнями, хитон до пят с золотым шитьем, пурпурные сапоги и митра, украшенная золотом и драгоценными камнями, а также белая хламида, расшитая золотом с царской фибулой (Agath. III. 15).

Итак, зависимость была довольно поверхностной и малообременительной. Однако, правящие круги Лазского царства и эту зависимость не всегда терпели и, используя благоприятную ситуацию, а также противоречия между империей и Ираном, пытались от нее освободиться. Так, в 342-364 гг. Колхида и Абасгия входили в состав державы царя Иберии Вакурия, а в середине V в. царь Губаз восстал против императора Маркиана (Prisc. 25-26, 34).

Со 2-й пол. IV в. позиции империи на Востоке значительно ослабли. По договору 363 г. Рим признал гегемонию Ирана в Армении, римляне обяза-

²⁰⁶ Браунд Д. Указ. соч. С. 37.

²⁰⁷ Там же. С. 42-43.

²⁰⁸ Там же. С. 45.

лись не вмешиваться в армянские дела²⁰⁹. В 70-х гг. устанавливается иранское господство и в Иберии (Картли). В этих условиях Лазика осталась последним союзником Рима на северном участке восточной границы. В это время лазы сумели объединить всю Западную Грузию, включая Сванетию и горную область Лечхуми²¹⁰. С этого времени страна получает второе, местное название – Эгриси. Постепенно формируется экономический и политический центр страны – столичный город Археополис, вокруг которого происходит консолидация местного населения. Археологические исследования Археополиса показали, что город был выстроен с нуля, укреплен целой системой мощных, дорогостоящих, первоклассных оборонительных сооружений. Этому способствовало полное распоряжение эгрисских царей – как природными ресурсами страны, так и морскими коммуникациями, что позволило создать отлаженный хозяйственный механизм²¹¹. Материальная культура этого времени охватывает всю Колхиду и носит название цебельдинской (эгрисской), которая была близка позднеантичной²¹². Несмотря на явно местный характер памятников Археополиса, можно отметить несомненное участие римлян в сооружении здесь оборонительного комплекса²¹³.

Другим ядром государства был район побережья, где располагались римские крепости. По поводу присутствия римских войск на территории Колхиды в IV-V вв. среди специалистов существуют разногласия. Так, В.А. Левкинадзе считает, что в 370-380 гг. Понтийский лимес достигает расцвета²¹⁴. Г.А. Меликишвили и Н.Ю. Ломоури полагают, что общая ситуация в Лазике IV-V вв. не дает оснований предполагать здесь наличие постоянных римских гарнизонов²¹⁵. Ломоури подчеркивает, что в это время прибрежные города Лазики становились значительными торгово-ремесленными центрами, для которых характерна ведущая роль местного населения²¹⁶. «У причерноморских городов Лазики оказалось больше жизненных сил, которые они черпали из внутренних областей»²¹⁷. Эти города не были лишь римскими крепостями или римскими крепостями с канабами²¹⁸. Питиунт и Себастополис были крупными военными, ремесленными и культурными центрами, население которых говорило в основном на греческом языке²¹⁹. На рубеже IV-V

²⁰⁹ The Cambridge Medieval History. V. I. L., 1936. P. 84-85.

²¹⁰ Ломоури Н.Ю. К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. // Византийские очерки. М., 1982. С. 24.

²¹¹ Ломиташвили Д.А. Центральное Эгриси IV-VI вв. н.э. (по археологическим материалам из Нокалакеви-Археополиса). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1990. С. 22.

²¹² Там же. С. 19, 25.

²¹³ Lomouri N. Die neuen ausgrabunden in des Stadt Archaopolis in Westgeorgien // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985. P. 137-142.

²¹⁴ Левкинадзе В.А. Понтийский лимес // ВДИ. 1969. № 2. С. 81-88.

²¹⁵ Ломоури Н.Ю. К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. 46. 1986. С. 66.

²¹⁶ Там же. С. 71.

²¹⁷ Рамишвили Р.М. Археологические раскопки в Пицунде. Вып. 4. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.). Цит. по: Ломоури Н.Ю. К выяснению... С. 70.

²¹⁸ Левкинадзе В.А. Указ. соч. С. 92.

²¹⁹ Трапш М.М. Древний Сухуми. Сухуми, 1969. С. 314-359.

вв. в Севастополисе стояла конная когорта Клавдия, подчинявшаяся непосредственно римскому правителю Армении²²⁰.

В середине V в. царство Эгриси переживало определенный кризис. В период 459-474 гг. Сванетия обретает независимость от Лазики. Ослабевает политическая зависимость Абасгии. Этот процесс завершается к концу V в. полным обособлением Абасгии, отныне подчинявшейся непосредственно империи²²¹.

В 456 г. римляне начали войну с лазами, но потерпели поражение и отвели войска (Prisc. 25). Царь Губаз в это время правил совместно с сыном, который не был утвержден Римом, что и стало поводом к войне. Губаз и в дальнейшем стремился ограничить зависимость от Рима. В 466 г. он прибыл в Константинополь ко двору императора Льва (Prisc. 34) и вызвал неудовольствие двора, показавшись в персидском платье и с телохранителями «по мидийскому обычаю». Тем не менее, он был «ласково отпущен домой». И в начале VI в., несмотря на начавшееся усиление Византии и обострение ее борьбы с Ираном, Эгриси не отказывалось от попыток добиться полной независимости, а царь Дамназ даже попытался принять персидскую ориентацию.

Другие племена Северо-Восточного Причерноморья также тяготели к Римской империи. Зихи, занимавшие земли между Боспором и абасгами, еще при Адриане имели вассального царя Стахемфакса (Arrian. Per. 27). Затем они надолго исчезают из источников, и лишь в VI в. мы слышим о Зихской церковной епархии. Видимо, прочное государственное образование у этого этноса не сложилось²²².

На территории Абхазии вассальные цари впервые упоминаются также Аррианом. В IV-V вв. местные племена занимали северный участок Понтийского лимеса и находились в двойной зависимости: от римлян и от лазов. Если римские крепости здесь оставались военными форпостами, а попытки римлян проникнуть вглубь страны неизменно встречали сопротивление местного населения²²³, то лазское влияние было более ощутимым. С конца V в. усиливается влияние империи. Формирующаяся государственность Апсилии нашла в ней союзника. Во внутренних районах страны в 20-30-х гг. VI в. возводится крепость Цибилиум, закрывавшая Клухорский перевал – главный путь из Абхазии на север. На горе Шапсны располагалась резиденция правящего рода Апсилии²²⁴. Раскопки Цибилиума, проводившиеся с 1977 г., дали картину материальной культуры, близкой к позднеантичной (краснолаковая посуда, светильники, стекло и т.п.). Открыт храмовый комплекс: большой храм и мавзолей²²⁵. На протяжении VI в. Апсилия оставалась клиентским государством с внутренней структурой, близкой Лазике: имперские крепости

²²⁰ Воронов Ю.Н. Диоскуриада. Севастополис. Цхум. М., 1980. С. 92-113.

²²¹ Ломоури Н.Ю. К истории... С. 35.

²²² Анфимов Н.В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 92-113.

²²³ Трапш М.М. Указ. соч. С. 293.

²²⁴ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Крепость Цибилиум – один из узлов Кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. 48. 1987. С. 132.

²²⁵ Там же. С. 131.

на побережье и внутренние районы как ядро местной государственности. Но, в отличие от Лазики, где эти части различались более контрастно, в Апсилии каждая из более чем десяти крепостей была построена при местном поселении²²⁶.

Иберия, отделенная от Колхиды Лихским хребтом, географически более тяготела к Ирану. Тем не менее, там всегда существовали круги, ориентированные на Рим. В борьбе с язычеством цари Картли (Иберии) в начале IV в. приняли христианство. Картлийская знать тогда еще сохраняла военно-служилый характер и была тесно связана с царской властью, в отличие от Армении. В 368 г. Шапур II вторгся в Картли, сверг царя Саурмага и посадил на трон его родственника Вараз-Бакура. Саурмаг бежал в империю и вернулся с римским войском. В итоге страна была разделена. Саурмаг, опиравшийся на Рим, получил земли по левому берегу Куры и правому берегу Арагвы. На рубеже IV-V вв. цари Картли еще пытались лавировать между великими державами, но с V в. страна полностью подчиняется персидскому влиянию. Причины этого – в весьма поверхностной степени римского влияния и в слабости местных романофильских кругов.

Армения, хотя и находилась в первые века н.э. под римским сюзеренитетом, оставалась чисто восточным государством, чья система управления восходила к старым персидским и парфянским традициям. В общем и целом греко-римская цивилизация не перешла Верхнего Тигра²²⁷. Аршакидская Армения была в определенной степени последним осколком парфянского мира. В 298 г. армянские Аршакиды были восстановлены в Армении при содействии римлян²²⁸. С этого времени страна попадает под политическое влияние императоров (Аmm. Marc. XXIII. 5).

Существенной спецификой политического строя Армении IV в. была его значительная феодализация. Армянский царь имел право жаловать крупные земельные владения своим приближенным за оказанные ими услуги (Moises Chor. II. 4, 82; Faust. Byz. IV. 51). Земли раздавались также храмам и их служителям (Faust. Byz. IV. 51). Вследствие этого уже к середине IV в. значительные части страны сосредоточивались в руках крупных светских землевладельцев и духовенства²²⁹.

Армянское государство состояло из сатрапий-нахарарств, управлявшихся сатрапами, которые фактически были царями-данниками, имевшими свой аппарат управления, свои законы и войска²³⁰. Нахарарский институт в Армении являлся важнейшей формой организации социально-экономической и политической жизни, развитие которого шло параллельно с развитием всего армянского общества²³¹. Это была система крупного землевладения, в условиях которого землевладелец одновременно наследственно ведал той или иной государственной должностью. Это свидетельствовало об определенном

²²⁶ Там же.

²²⁷ Jones A.H.M. *The Cities of the Eastern Roman provinces*. Oxf., 1971. P. 223-224.

²²⁸ Адонц Н.Г. *Армения в эпоху Юстиниана*. Ереван, 1971. С. 88.

²²⁹ Налбандян В.С. *Егише*. Ереван, 1971. С. 88.

²³⁰ Jones A.H.M. *Op. cit.* P. 223.

²³¹ Адонц Н.Г. *Указ. соч.* С. 54.

разделении власти между царем и высшей знатью²³². Со временем происходило дальнейшее дробление нахарарств. Каждый нижестоящий владетель был вассалом вышестоящего, поэтому сохранялась единая система военной организации. В 432 г. суверенные права нахараров были утверждены «Разрядной грамотой» (Гахнамак)²³³. Политическое раздробление страны соответствовало экономическому, поэтому нахарарская Армения к V в. превратилась в совокупность феодальных полугосударств²³⁴. Церковь в точности копировала нахарарскую иерархическую структуру. Католикос возглавлял законодательный и совещательный орган светской и духовной власти – Жогов. После падения царской власти в Армении этот совет получает исключительное значение²³⁵.

В царстве Аршакидов государственные должности (горцакал) были дифференцированы и точно разделены между различными нахарарскими родами. Важнейшими должностями были: спарапет – военачальник (главнокомандующим был сам царь), хазарапет – глава налогового ведомства, мардпет – управляющий царскими землями и имуществом, малхаз – главный телохранитель царя. Судопроизводство перешло к церкви, а горцакалом «великого судейства» стал католикос. Многочисленные должности рангом ниже исполнялись младшими нахарарами²³⁶.

На грани III-IV вв. в Армении еще сохранялась известная автономия городов, которые мало зависели от местной сатрапской власти и были непосредственно связаны с царем²³⁷. Привилегией городов считалась свобода от содержания царского гарнизона. Городская община делилась на более мелкие общины, организованные по этническому и религиозному признаку²³⁸. Будучи опорой центральной власти, города были систематически и последовательно уничтожены во время персидских походов в Армению в 359 и 364-368 гг., причем особое рвение в разрушении городов проявили нахарары, действовавшие совместно с персами²³⁹. К середине V в. из городов сохранился только Вагаршапат.

Римско-армянские отношения в течение IV в. протекали весьма интенсивно. Рим старался сохранить военно-политический потенциал Армении с целью сделать его барьером против своего главного противника – сасанидского Ирана, и внимательно следил за тем, чтобы этот потенциал не достиг угрожающих для Рима размеров²⁴⁰. Эта сложная политика не могла быть долговечной, что и привело к разделу Армении в 387 г. Можно выделить два этапа римско-армянских отношений в эту эпоху: 298-363 гг. – совместная политика против Ирана; 363-387 гг. – уравнивающая политика армянских ца-

²³² Там же. С. 48.

²³³ Еремян С.Т. Народно-освободительная война армян против персов в 405-451 гг. // ВДИ. 1951. № 4. С. 45.

²³⁴ Там же. С. 43.

²³⁵ Там же. С. 42.

²³⁶ Адонц Н.Г. Указ. соч. С. 53.

²³⁷ Саркисян Г.Х. Из истории городской общины в Армении (IV в. н.э.) // ВДИ. 1955. № 3. С. 54.

²³⁸ Там же. С. 58.

²³⁹ Там же. С. 61.

²⁴⁰ Арутюнян А.Ж. Восточная политика Римской империи в период домината и Армения (IV в.). – Автореф. канд. дисс. Ереван, 1989. С. 3.

рей и переход к проперсидской ориентации в регентство Манвела Мамиконяна.

Романофильские силы концентрировались вокруг царской власти и церкви. Отдельные проиранские выступления в IV в. имели место среди армянской знати: 320-е гг. – мятеж рода Слкуни-Слук, 330 г. – мятеж Санатрука Аршакида и т.д. С середины IV в. намечается поворот в политике церкви в сторону Ирана.

Цари Армении утверждались на престоле Римом, который часто посылал войска для поддержки романофильских сил, а иногда и для установления власти римских кандидатов. Так, при Констанции во время мятежа нахарара Бакура в Армению было направлено войско полководца Антиоха, которому были вручены «порфира и венец» для нового царя Армении. Разбив мятежников, Антиох возвел на престол Хосрова, «собрал положенную ему дань» и отбыл в империю (Moises Chor. III. 4-6). После смерти Хосрова его сын Тиран был утвержден на престоле Констанцием после ходатайства армянского католикоса и выплаты положенной дани (Moises Chor. III. 10-11). После смерти Тирана Сасаниды попытались перехватить инициативу в армянских делах и от своего имени возвели на престол сына покойного – Аршака II (Moises Chor. III. 18).

Аршак, «...хотя и к Шапуху не был расположен всем сердцем, отнесся к римлянам с высокомерным пренебрежением» (Moises Chor. III. 19). Последовала немедленная реакция Рима – войско полководца Феодосия, под угрозой которого Аршак выплатил недоданную дань. В целом Аршак, стремившийся к укреплению своего государства, старался проводить уравновешенную политику, не склоняясь на сторону ни одной из великих держав. В борьбе с нахарарами за укрепление своей власти царь основал город Аршакаван, но в 359 г. нахарары разрушили его²⁴¹. Испортив отношения с Ираном, Армения была вовлечена в войну 364-368 гг., в результате которой царь был убит по наущению шаха²⁴², а страна была оккупирована персами.

Новый царь Пап, пришедший в Армению с римским войском, в 371 г. разбил персов в Багаванской битве. Он также стремился к полной независимости: рукоположил католикоса в Армении, а не в Кесарии, отобрал часть земель у церкви²⁴³, пытался изгнать и римское войско. Но «храбрый стратилат Теренций» одержал над ним победу, и Пап был отправлен в Константинополь (Moises Chor. III. 39).

После этого император Феодосий назначил новым царем некоего Вараздата не из рода Аршакидов, одного из последних олимпиоников, но тот «и в царском сане не подчинялся наставлениям начальников имперских войск» (Moises Chor. III. 40). Поэтому вскоре Вараздат был смещен, а его место заняли сыновья Папа Аршак и Вагаршак. Это были последние правители, назначенные римскими императорами.

²⁴¹ Саркисян Г.Х. Указ. соч. С. 61.

²⁴² Ельницкий Л.А. Из истории антицерковных и антихристианских тенденций в Армении в IV в. // ВДИ. 1965. № 2. С. 123.

²⁴³ Арутюнян А.Ж. Указ. соч. С. 14.

Царская власть в Армении в той форме, в какой она поддерживалась династией Аршакидов, была пережитком эллинистической государственности, поэтому правление Аршакидов перестало соответствовать новым историческим условиям. В 428 г. «царство Армянское перешло к нахарарам» (Egishe, II). В последние десятилетия существования государства царская власть сохранялась только в восточной части Армении, причем, несмотря на зависимость от Ирана, эти цари продолжали поддерживать определенные связи с Римской империей (Moises Chor. III. 49-50). В последний раз армянская государственность была восстановлена в ходе восстания нахараров против персидской власти в 450-451 гг.²⁴⁴ Было создано правительство во главе с танутэром Варданом Мамиконяном и восстановлены важнейшие государственные должности²⁴⁵. Тем не менее, восстановление прежних государственных институтов было уже анахронизмом. Отстояв в Аварайрской битве автономный статус в составе Ирана, Армения полностью перешла к нахарарскому феодальному строю.

Таким образом, мы видим достаточно яркую картину клиентского статуса Армении по отношению к Риму на протяжении более чем столетия. Этот факт является весьма знаменательным, так как Армения по своим традициям и культуре – восточная страна, гораздо более близкая Ирану, чем Риму. С Римской империей ее связывали особенности ее политического строя: империя была внешней опорой царской власти, которая со временем все больше и больше теряла почву под ногами. Кроме того, большую роль играла общность религии, несмотря на догматические отличия. На протяжении большей части IV в. Армения демонстрировала свою заинтересованность в римской помощи. Все основные признаки клиентского статуса Армении отчетливо прослеживаются на протяжении IV в. и позволяют предположить, что в позднеантичное время Армения была для империи важнейшим из клиентских государств (по размерам территории и населения, по центральному положению на восточной границе) и главным буфером по отношению к Ирану.

Западная Армения не представляла из себя однородной массы в политическом отношении. Это объяснялось главным образом тем, что она вступила в состав империи не сразу, а по частям, в разное время и на разных условиях. Империя различала здесь три района в соответствии со степенью их зависимости от власти императоров: Малая Армения, «автономные княжества» и Внутренняя Армения²⁴⁶. Малой Арменией назывались заевфратские (к западу от Евфрата) земли армян. Они были инкорпорированы Римской империей еще в первые века н.э. В начале IV в. из них была образована провинция Малая Армения.

В 374-387 гг. к империи отошли мелкие автономные княжества Верхнего Тигра. Они управлялись полунезависимыми сатрапами преимущественно армянского происхождения, находившимися в союзных отношениях с царя-

²⁴⁴ Подробнее см.: Еремян С.Т. Указ. соч.

²⁴⁵ Налбандян В.С. Указ. соч. С. 28.

²⁴⁶ Адонц Н.Г. Указ. соч. С. 28.

ми Армении, Ирана или с императорами²⁴⁷. По сути это были аналогии нахарарств Великой Армении. XXXI Новелла Юстиниана называет пять таких областей: Софену, Софанену, Анзитену, Астианену, Балабитену. В Cod. Just. I. 29,5 упоминается еще и Ингилену. Во внутренние дела местных династий римские власти почти не вмешивались (Amm. Marc. XVIII. 6, 20). Формально упомянутые княжества были объединены в одну сатрапию, но князья официально сохраняли свои армии и древние армянские законы. Свои инсигнии они получали от римского императора через армянского царя, пока он сохранял власть²⁴⁸.

В двух более северных княжествах – Акилисене и Дараналисе (Внутренняя Армения) – была образована провинция Великая Армения со столицей в Феодосиополе (Карине), построенном в 438-443 гг. магистром Анатолием²⁴⁹.

При императоре Зеноне сатрапы поддержали мятеж Иллуса и Леонтия, за что все кроме сатрапа Балабитены были ликвидированы. Бывшие князья стали наместниками, но сохранили армянские законы, а параллельно – и прежние титулы и инсигнии, а также презентальные армии. Вплоть до времени Юстиниана здесь сохранялся и Армянский совет.

При Юстиниане сатрапии были преобразованы в провинцию Армения Четвертая. Великая Армения была соединена с провинцией Армения Первая, занимавшей юго-восточный угол Причерноморья. Армянское право было уравнено с римским²⁵⁰. Эти изменения, однако, дали лишь небольшой практический эффект. В целом на протяжении IV-VI вв. западноармянские земли продолжали играть роль буфера между Римом и Ираном. Сохранение автономии князей в этом районе было в конечном счете выгодно для Рима, так как труднодоступные участки границы контролировались хозяевами этих мест, лояльными к империи.

Далее к югу лежали территории, населенные сирийцами (арамеями). В позднеантичное время здесь существовали римские провинции Месопотамия со столицей в Амиде и Осроена со столицей в Эдессе. С восточной стороны к границе примыкали сирийские автономные области, входившие в состав Ирана: Забдицена, Бет-Арабайе, Адиабена, а также область курдов Кордуена. На сирийском участке границы двух держав соприкасались непосредственно, и именно здесь происходили неоднократные ожесточенные римско-иранские войны IV-VI вв. Можно отметить, что сирийские области Ирана были в некоторой степени пережитком прежнего буфера и в этническом, и в конфессиональном плане. Неортодоксальность сирийских христиан отталкивала их от империи, но в равной степени они были чужды и зороастрийскому Ирану Сасанидов. В принципе сирийцы стремились к автономии своих областей от Римской империи, но почти никогда на протяжении IV-VI вв. они ее не имели²⁵¹.

²⁴⁷ Jones A.H.M. Op. cit. P. 225.

²⁴⁸ Кулаковский Ю.А. История Византии. 395-518 гг. СПб., 1996. С. 220; Shahid I. Byzantium and the arabs in the fifth century. Washington, 1989. P. 487-539.

²⁴⁹ Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 220.

²⁵⁰ Jones A.H.M. Op. cit. P. 225.

²⁵¹ Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 189-210.

Далее на юг, близ границ империи и Ирана находились территории арабских племен. В IV в. их роль как буферных объединений при великих державах еще не определилась, но уже существовали отношения взаимной зависимости. Устойчивых и постоянных клиентских отношений еще не было.

В этот период арабские племена возглавлялись военными вождями, которых в империи называли филархами. Военная организация арабов подчиняла себе и всю хозяйственную сторону их существования²⁵². Империя не нарушала племенную организацию арабов, а как бы подвергала ее известному контролю. Тактика империи заключалась в том, чтобы защиту от кочевых бедуинов осуществляли арабские же полуоседлые племена²⁵³. Верные филархи получали от Константинополя военно-территориальную власть в пределах отведенных им территориальных единиц, именовавшихся епархиями²⁵⁴. Внутри империи, на территории провинций арабы-союзники не имели права находиться без особого разрешения.

С конца IV до конца V в. арабские племена Кинда и Салих охраняли границы империи близ Сирии. Основными пунктами лимеса на этом участке были Эдесса, Карры, Каллиник, Батнан, Дура-Эвропос, Барбалиссон, Неокесария, Габулон²⁵⁵.

Ближайшими соседями империи в V в. были Киндиты. С середины V в. можно говорить о наличии у них государственности²⁵⁶. Во второй половине V в. они смогли установить свой контроль над значительными пространствами северной Аравии, а также над рядом центральных районов полуострова²⁵⁷. С 473 г. Киндиты подчинили себе всю ближневосточную торговлю после выхода к Акабскому заливу. Филарх Аморкес (Имруулкайс) захватил остров Иотабу, после чего в Константинополе императором Львом I был признан правителем всех племен, «каких он желал» (Malch. I). Ему было предоставлено одно из самых почетных мест в сенате империи, выдана большая сумма денег от императора и от сената²⁵⁸. По соглашению между Римом и Ираном 442 г. обе стороны обязались не позволять арабам менять отношения клиентской зависимости²⁵⁹.

В конце V в. отношения империи с Киндитами испортились из-за того, что империя перехватила контроль над торговлей, но вскоре был заключен мир, и Киндиты напали на Хиру – союзника Ирана (528 г.). Потерпев ряд поражений от враждебных им племен, Киндиты к середине VI в. ушли в Хадрамаут, где основали новое государство.

В 20-х гг. VI в. роль главного клиента империи на юге перешла к государственному образованию Гассанидов. Его усиление было связано с отно-

²⁵² Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв. М.-Л., 1964. С. 243.

²⁵³ Там же. С. 216.

²⁵⁴ Там же. С. 144.

²⁵⁵ Там же. С. 218. Подробнее см.: Parker Th. Romans and Saracens: a History of the Arabian Frontier. Philadelphia, 1986.

²⁵⁶ Пигулевская Н.В. Арабы... С. 145.

²⁵⁷ Там же. С. 156.

²⁵⁸ Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 301.

²⁵⁹ Там же.

сительным ослаблением военного присутствия империи на аравийском лимесе. К середине VI в. многие укрепления были заброшены и начинали использоваться как монастыри²⁶⁰. Новое клиентское государство было достаточно рыхлым образованием, филархатом, который не смог достичь такого широкого охвата северных арабов, какой имел место ранее. Однако, Гассаниды имели более тесные отношения с империей, чем их предшественники, прикрывая границы в Палестине в течение всего VI в. Очень важным обстоятельством для арабских клиентов империи стало утверждение прав прямого наследования для их филархов, что означало установление прочной –наследственной власти.

Разрушение государства Гассанидов в конце VI в. в результате интриг Константинопольского двора оказалось для империи ошибочным. Запустение лимеса в Аравии стало, в конечном счете, одной из причин арабских завоеваний VII в.²⁶¹

Таким образом, для позднеантичного времени (IV-VI вв.) на всем протяжении восточных рубежей империи мы видим систему буферных государственных образований с клиентским статусом. От Боспора до Аравии этот статус по отношению к империи был в принципе однотипным. В данную эпоху достаточно четко просматривается тенденция к сокращению и самоликвидации системы буферных государств. Боспор в VI в. непосредственно входит в состав империи²⁶². В Закавказье граница великих держав явно стремилась к непосредственному слиянию без буфера. В Сирии, а затем и в Аравии клиентские государства постепенно исчезали. Хотя бы отчасти прежние буферные функции продолжали выполнять этноконфессиональные общности, отличавшиеся по своему вероисповеданию от официальных религий в обеих державах.

Система буферных клиентских государств на восточной периферии античного мира постепенно уступала место «византийскому сообществу наций»²⁶³. В новом качестве система «центр-периферия» продолжает функционировать и в средние века.

§ 7. Роль личности в позднеантичном государстве

Очевидно, что роль личности в истории античной цивилизации была различной в разные периоды ее развития. От сурового коллективизма эпохи классического полиса эволюция идет в сторону суверенизации личности, а затем ее подчинения все усиливающемуся монархическому государству. Позднеантичное государство сократило диапазон возможностей отдельной

²⁶⁰ Грушевой А.Г. Рецензия на кн.: Parker Th. Romans and Saracens: a History of the Arabian Frontier // Палестинский сборник. № 32 (95). СПб., 1993. С. 118.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 61-63; он же: Византия на Боспоре (VI век): конец античности на юге России // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1996. С. 17-19.

²⁶³ Термин Д. Оболенского. См.: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971.

личности до минимального продела. Неограниченная власть императоров, нивелирующее законодательство, прямая администрация не благоприятствовали раскрытию способностей и талантов. Лишь те, кто имел возможность вести относительно независимый от государства образ жизни и мог найти способ самовыражения, вошел в историю позднеантичной цивилизации.

Другим путем было традиционное стремление сделать карьеру на государственной службе. И этот путь тоже никак не способствовал раскрытию талантов. От государственных служащих требовалось лишь точное соблюдение регламента.

Гораздо большую роль сыграли предводители военных клик, особенно на Западе. Это уже само по себе свидетельствует о прямой зависимости между силой государства и ролью в нем отдельных личностей. Стилихон, Гайна, Рицимер присвоили себе определенную власть в государстве нелегитимным образом именно в моменты ослабления государственного аппарата. Подобным образом действовали способные правители уже после падения Западной империи, когда открылись определенные возможности для их попыток спасти осколки римской власти на отдельных территориях (Сиагрий в Галлии, Марцеллин в Далмации).

Особый вопрос - крупные христианские теологи эпохи формирования доктрины. Высочайший уровень эмоционального накала, неистовая борьба за символ веры оказали влияние на доминанту поведения людей этого типа. Но немало этому способствовало и то обстоятельство, что церковь не являлась частью госаппарата.

Огромный и богатый для исследователя материал по роли личности в позднеантичную эпоху собран в "Просопографии" А. Джоунза²⁶⁴. Но конкретных исследований этой темы в отечественной литературе пока не было, если не считать очерков Е.А. Федоровой²⁶⁵.

* * *

В данном разделе не был затронут целый ряд важных проблем позднеантичного государства. Это дело специального исследования. Нашей задачей было дать краткий очерк современных представлений об эпохе поздней античности и государственности этого времени.

Главные выводы можно суммировать следующим образом.

- Поздняя античность - своеобразный этап развития античной цивилизации, ее последний этап. Время существования поздней античности в западном регионе ойкумены определяется временем существования поздней Римской империи: 284-476 гг. На Востоке исторически цельный позднеантичный этап продолжался, по мнению большинства специалистов, до 602 г.

- Поздняя античность - эпоха с внутренним системным единством, ее главный структурообразующий элемент - государство.

- Государство определяло и регулировало формы общественных отношений, воздействовало на экономические отношения.

²⁶⁴ Jones A.H.M. Prosopography of Late Roman Empire. V.1. L., 1980; V.2. L., 1986.

²⁶⁵ Федорова Е.А. Люди императорского Рима. М., 1990.

- Государство опиралось на мощные античные консервативные традиции организации общественной жизни.

- Принцип власти в позднеантичном государстве сложился из эллинистической концепции царской власти, римской имперской государственности, христианской концепции светской власти.

- IV-VI вв. - время единой материальной культуры от Атлантики до Кавказа (в археологическом плане).

- Универсальная всемирная империя объединила все территории с античным способом производства²⁶⁶. Происходит постепенное выравнивание экономических уровней провинций.

- В рамках Поздней империи происходит нивелировка культурного уровня. Складывается единая двуязычная культура. Важный фактор культурной унификации - единая система образования.

- Принятие христианства - результат эволюции духовной жизни античности. Древнее христианство - не вполне чуждая античности религия, а продукт эпохи.

- Социальная роль христианства - в создании преемственности форм организации цивилизованной жизни.

- Государство поддерживало определенный баланс интересов различных социальных групп. Благодаря этому подданные империи в целом поддерживали существовавший строй.

- Диапазон возможностей государства был, однако, невелик. Это определялось жесткой социальной политикой, политической и военной ситуацией.

- Роль отдельной личности в эпоху поздней античности была невелика. Слишком малы были возможности для проявления талантов. Все наиболее крупные деятели эпохи были мало связаны с государством.

- Менталитет рядового человека позднеантичной эпохи насыщен эсхатологическими настроениями, ощущением катастрофы. Для большинства образованного слоя было характерно тактическое двоеверие, формальное отношение к официальному христианству, как и к «личному» язычеству.

- В эту эпоху нарушился вековой баланс сил Римской империи и окружающих ее варварских племен. Варвары сыграли громадную роль в истории Поздней империи. Сношения с ними государства почти никогда не были однозначно враждебными. Но объективно варвары выступили разрушителями империи, хотя далеко не все из них прямо желали этого.

- Можно отметить феномен “постпозднеантичного” (постклассического) времени на Западе, когда после 476 г. еще долго сохранялись прежние формы общественной жизни, исключая государство и его институты²⁶⁷.

- Римское право позднеантичного времени окончательно оформилось в Кодексе Юстиниана и Своде гражданского права, но на практике происходи-

²⁶⁶ Кроме, пожалуй, Боспорского царства: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.

²⁶⁷ Goffart W. Rome's Fall and after. L., 1989.

ло постепенное размывание государственно-правовых норм и оформление частной юрисдикции магнатов.

- Сложные этнические процессы постепенно приводили и растворению и перерождению старых этносов и рождению новых.

- Наряду с имперской государственностью в позднеантичное время сохранялись и пережитки прежней системы периферийных клиентских государств, прежде всего - Боспорское царство.

- Конец позднеантичного государства, античного способа производства, античной цивилизации был неизбежен и закономерен. К концу периода условия развития в рамках прежней системы оказались исчерпанными.

- Гибель позднеантичного государства можно рассматривать как часть процесса гибели сложных обществ. Это - важнейшая из комплексных причин данного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе сделан ряд основополагающих выводов:

- поздняя античность рассматривается не просто как переходное время, а как особый целостный период истории, который выступает в качестве субцивилизации, постклассического мира;
- ценностные (мировоззренческие) ориентации представителей имперской знати позднеантичной эпохи опирались на духовные установки традиционного античного общества;
- системообразующими составляющими менталитета позднеантичной аристократии являются мифология, неоплатонизм (взаимопроникновение идей античной философии и христианства), «имперская идея»;
- элементами самоидентификации позднеримской аристократии, происходящими из «имперской идеи» выступают римский традиционализм, инсигнии, отношение к варварам;
- реконструкция мироощущения ряда наиболее репрезентативных позднеантичных авторов показывает, что элементы классической традиции наличествуют в данных произведениях наряду с христианскими и оказывают все еще очень сильное влияние на все стороны жизни позднеантичной интеллектуальной элиты.

Процесс трансформации античного общества в средневековое, в цивилизацию нового типа – из числа самых сложных проблем в исторической науке. Будущие исследования позволят более рельефно представить сложный процесс континуитета между античностью и средневековьем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г. Римский императорский культ в памятниках нумизматики. - Магнитогорск, 1995.
2. Аверинцев С.С. Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // Памятники средневековой латинской литературы IV-VII вв. – М.: Наследие, 1998. – С. 3-18.
3. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1996.
4. Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья // Семиотика и художественное творчество. – М., 1977.
5. Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976.
6. Айналлов Д.В. Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства // Сб. статей в честь С.А. Жебелева. – Л., 1926.
7. Айналлов Д.В. Три древнехристианских сосуда из Керчи. – СПб., 1891.
8. Айналлов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. – СПб., 1900.
9. Амосова Е.В. Спонтанные гонения на христиан как проявления кризиса античного массового сознания // АМА. 10. – Саратов, 1999.
10. Античное художественное серебро. – Л., 1985.
11. Антонов О.В. К проблеме своеобразия государственного управления Римской империей в IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул, 2005. – С. 26-36.
12. Анучин Д.Н. Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н.П. Кондакова // Археологические известия и заметки. 1897. № 5-6. – С. 163-165.
13. Банк А.В. Византийское искусство в собраниях СССР. – Л., 1966.
14. Банк А.В. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. – М., 1967.
15. Банников А.В. Позднеримские auxilia // АМА. XII. – Саратов, 2006. – С. 238-252.
16. Банников А.В. Римская армия в Галлии в IV-V вв. и Notitia Dignitatum // Мнемон. 5. – СПб., 2006. – С. 341-350.
17. Банников А.В. Comitatus, comitatus и «полевая армия» // Мнемон. 4. – СПб., 2005. – С. 317-330.
18. Бармина Н.И. Крымская базилика как культурно-исторический феномен // Византия: кумуляция и трансляция культур. – Екатеринбург, 1997. – С. 5-7.
19. Беляев Д.Ф. BYZANTINA. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. – Кн. I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. – Приложение: Материалы и заметки по истории византийских чинов. - СПб., 1891; Кн. II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы в храм св. Софии в IX-X вв. - СПб., 1893.
20. Беляев Д.Ф. Облачение императора на Керченском щите // ЖМНП. 1893, сент.-окт., нояб.-дек.
21. Беляев Л.А. Христианские древности. – М., 1998.
22. Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии // SK. III. – Прага, 1929.
23. Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии. Фибула в Византии // SK. IV. - Прага, 1929.
24. Беляев Н.М. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византинистика. – Прага, 1926.
25. Беляев С.А. Базилики Херсонеса: итоги, проблемы и задачи их изучения // ВВ. 49. 1988.

26. Блаватский В.Д. Античные традиции в византийском серебре из Восточной Европы // Блаватский В.Д. Античная археология и история. – М., 1985.
27. Блаватский В.Д. Сосуд с надписью ЕФΩ // Блаватский В.Д. Античная археология и история. – М., 1985.
28. Болгов Н.Н. Античные письменные источники. Рим. – Белгород, 1998.
29. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996.
30. Болгов Н.Н. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV-VI вв. – Н. Новгород, 2002.
31. Болгов Н.Н. О ранневизантийских базиликах Боспора // Исторична наука: проблеми розвитку. Археологія. – Луганськ, 2002.
32. Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т. 1. – Белгород, 2007.
33. Браун П. Культ святых в латинском христианстве позднеантичного Запада. – М., 2004.
34. Буассье Г. Падение язычества. – М., 1892 (СПб., 1994).
35. Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антонинов. – М., 1914.
36. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. – М., 1990.
37. Буркхардт Я. Век Константина Великого. – М., 2003.
38. Буслаев Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство. – СПб., 2001.
39. Буслаев Ф.И. Сочинения. Т. 2: сочинения по археологии и истории искусства. – СПб., 1910.
40. Бычков В.В. Византийская эстетика. – М., 1977.
41. Бычков В.В. Эстетика Отцов церкви. – М., 1995.
42. Ван Берхэм Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. – СПб., 2005.
43. Васильев А.А. История Византийской империи. – Т. 1. – СПб., 1997.
44. Ващева И.Ю. Падение Западной Римской империи в восприятии современников // Вестник ННГУ. История. – Вып. 1(3). – Н. Новгород, 2004. – С. 5-22.
45. Вебер М. Аграрная история древнего мира. – М., 1923.
46. Византийская литература. – М., 1974.
47. Виноградов А.Ю. Император и апостолы: храм и мавзолей // Поблекшее сияние власти. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 15-26.
48. Винокурова Н.А. Н.П. Кондаков: жизнь и судьба российского ученого / Дисс. ... к.и.н. – М., 2000.
49. Гаген С.Я. Политическая теология Византии. – Екатеринбург: УрГУ, 2004.
50. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
51. Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи // ВВ. Т.24. – М., 1964.
52. Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. – Барнаул, 1991.
53. Глушанин Е.П. Позднеримская военная знать и государство раннего домината // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. – Барнаул, 1988.
54. Глушанин Е.П. Провинциализация и варваризация в истории римской императорской армии // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул, 2005. – С. 37-52.
55. Глушанин Е.П. Ранневизантийская военная знать 364-395 гг. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. – Барнаул, 1989.
56. Глушанин Е.П. Этнический состав ранневизантийской армии IV в. (варварский вопрос) // АДСВ. – Свердловск, 1985. – С. 25-32.
57. Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. – Сретенск: МЦИ-ФИ, 2000.

58. Грабар А. Император в византийском искусстве. – М., 2000.
59. Грант М. Крушение Римской империи. – М., 1998.
60. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., 1990.
61. Дагрон Ж. Двудликий Крым (IV-X вв.) // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000.
62. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. – Ростов-на-Дону, 1997.
63. Дилигенский Г.Г. Северная Африка в IV-V вв. - М., 1961.
64. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. – СПб., 1906.
65. Домбровский О.И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. 3. – Симферополь, 1963.
66. Донченко А.И. Политическая и миссионерская деятельность Римской католической церкви в Норике в V в. н.э. / Автореф. канд. дисс. – М., 1993.
67. Древние цивилизации. – М., 1989.
68. Дряхлов В.Н. Церковь и гунны в Галлии в 451 г. // К 1525-летию со времени крушения Западной Римской империи. – Киров, 2002. – С. 9-14.
69. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. “Номовые государства”, “территориальные царства”, “полисы” и “империи”. Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2.
70. Евтухов И.О. Концепция человека поздней античности. – Автореф. канд. дисс. – Минск, 1991.
71. Ермолова И.Е. Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана // Μνημα. – Казань, 2002. – С. 351-356.
72. Ермолова И.Е. Рим и варвары по данным императорских конституций // Норция. – Вып. 6-7. – Воронеж, 2003. – С. 323-339.
73. Ермолова И.Е. Laeti в поздней Римской империи // АМА. XII. – Саратов, 2006. – С. 228-237.
74. Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний // Соч. Т.3. – М., 1870.
75. Жуков Д.В. Падение Западной Римской империи и Зосим / Автореф. канд. дисс. – Новгород, 2002. – 18 с.
76. Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII. 2001.
77. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. V. – Симферополь, 1996.
78. Залеская В.Н. Прикладное искусство Византии IV-XII вв. в его отношении к античному наследию. – Автореф. докт. дисс. – СПб., 1998.
79. Залеская В.Н. Ампулы-эвлогии из Малой Азии (IV-VI вв.) // ВВ. 47. 1986.
80. Залеская В.Н. Византийская торевтика VI в. (некоторые аспекты изучения) // ВВ. 43. 1982.
81. Залеская В.Н. Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // АДСВ. 29. – Екатеринбург, 1998.
82. Залеская В.Н. Прикладное искусство Византии IV-XII веков. Опыт атрибуции. – СПб., 1997.
83. Залеская В.Н. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // ВВ. 37. 1976.
84. Зинько Е.А. Расписные боспорские склепы III-IV вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994.
85. Зубарь В.М. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1999.
86. Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000.
87. Зулпукарова Э.М.-Г. Кризис Римской империи в IV-V вв. // Вопросы истории древних цивилизаций и Средневековья. Материалы IV Дзагуровских чтений. - Махачкала, 2005. – С. 173-182.
88. История Византии. – Т. 1-3. – М., 1967.

89. Каждан А.П. Византийская культура. – СПб., 1996.
90. Казаков М.М. Епископ и империя. – Смоленск, 1995.
91. Казаков М.М. Христианизация Римской империи. – Смоленск, 2002.
92. Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Аполлинария Сидония). – СПб., 1908.
93. Карсавин Л.П. Магнаты конца Римской империи. – М., 1910.
94. Кнабе Г.С. Русская античность. – М., 1996.
95. Козлов А.С. Основные черты оппозиции правительству Феодосия I в восточной части Римской империи // АДСВ. № 12. - Свердловск, 1975.
96. Козлов А.С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // АДСВ. № 15. Свердловск, 1978.
97. Колпакова Г.СМ. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. – СПб., 2004. – 528 с.
98. Комеч А.И. Взгляды христианства II-IV столетий на эстетическую выразительность архитектурной формы // Культура и искусство Византии. – Л., 1975.
99. Комеч А.И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы и Византии. – М., 1978.
100. Коптев А.В. Кодекс Феодосия и римский колонат. – Вологда, 1996.
101. Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. – М., 1895 (СПб., 2005).
102. Коростелин В.А. Варвары-федераты и падение Рима (об эволюции, типологии и классификации позднего федератства в IV-V вв. н.э.) // Вестник МГУ. История. 2006. № 1. – С. 44-69.
103. Коростелин В.А. Договорные отношения позднеримской империи с варварами // ВИ. 2006. № 8.
104. Корсунский А.Р. От Восточной Римской империи к Византии // ВВ. 29. 1968.
105. Кругликова И.Т. Культура Боспора в позднеантичный период // Античное общество. – М., 1967.
106. Кулаковский Ю.А. История Византии. – Т.1. – К., 1913 (СПб., 1996).
107. Кулаковский Ю.А. Коллегии в Древнем Риме. - К., 1882.
108. Куликова Е.В. Коронационный обряд в Римской империи IV в. // Проблемы антиковедения и медиэвистики. – Вып. 2. – Н. Новгород, 2006. – С. 134-144.
109. Куликова Е.В. Поздний римский цезарат в сер. IV в. // Наш Анабасис. – Вып. 2. – Н. Новгород, 2005. – С. 81-94.
110. Культура Византии. IV – 1 пол. VII вв. – М., 1984.
111. Культура Византии. 2 пол. VII – XII вв. – М., 1989.
112. Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). – М., 1984.
113. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. - Л., 1991.
114. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. – Л., 1984.
115. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. - Л., 1982.
116. Лазарев В.Н. Византийская живопись. – М., 1971.
117. Лазарев В.Н. История византийской живописи. – М., 1947-1948.
118. Лазарев В.Н. История византийской живописи. – М., 1986.
119. Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. – М., 1992.
120. Ланник Л.В. Распад Римской империи: проблема датировки // Antiquitas inventae. III. – Саратов, 2007.
121. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М., 1992.
122. Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). - Л., 1980.

123. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // он же: Поздняя осень России. – М.: Аграф, 2000. – С. 17-156.
124. Литовченко Е.В. Некоторые источники по истории Римской империи IV в. // Сборник студенческих научных работ. - Белгород: БелГУ, 1998.
125. Литовченко Е.В. Сопоставление элементов греко-римской и христианской ментальности в эпоху поздней античности // Иресиона. Античный мир и его наследие. - Вып.3. - Белгород, 2006.
126. Литовченко Е.В. Элементы классической традиции в сочинениях Авзония и Сидония // http://www-history.univer.kharkov.ua/sno/sno/_konf_59/litovchenko [Харьков, 2006]
127. Литовченко Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Власть и общество: история взаимоотношений. - Воронеж: ВГУ, 2007.
128. Литовченко Е.В. Roman Decadence: эпоха глазами позднеримской аристократии // Каразінськи читання (історичні науки). - Харків, 2007.
129. Литовченко Е.В. Элементы классической традиции в произведениях Авзония и Сидония: К истории ментальности позднеантичного времени // Мир Византии. - Белгород, 2007.
130. Литовченко Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. № 3 (34). Белгород, 2007. С. 30-38.
131. Литтре Э. Аббатство, монахи и варвары на Западе. Падение Римской империи. - Киев, 1889.
132. Лихачева В.Д. Византийская миниатюра. – М., 1977.
133. Лихачева В.Д. Искусство Византии IV-XV вв. – М., 1981.
134. Лунгис Т. Обращение в христианство господствующего класса Восточной Римской империи во 2-й пол. V в. // From Late Antiquity to Early Byzantium. – Praha, 1985.
135. Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. – М., 1981.
136. Ляхин Е.В. Роль епископа в эволюции позднеримского города в Греции IV-V вв. // Antiquitas ivventae. III. – Саратов, 2007.
137. Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.
138. Мамедов А.Н. Византия и вандалы // Вопросы истории древних цивилизаций и Средневековья. Материалы IV Дзагуровских чтений. - Махачкала, 2005. – С. 75-77.
139. Мацулевич Л.А. Реконструкция изображений на кожаной обивке щитов IV в. // Сб. Гавриил Кацаров. – Ч.1. – София, 1950.
140. Моммзен Т. История Рима. - Т.5. Провинции. – М., 1949 (СПб., 1994).
141. Моммзен Т. История римских императоров. – СПб., 2002.
142. Мягков Ю.Г., Жигунин В.Д. Юстиниан и «Ренессанс» Римской империи в VI в. н.э. // Античный вестник. III. – Омск, 1995.
143. Мязина О.В. Аврелий Пруденций Клемент и формирование образа идеального правителя в христианской мысли // Мvησα. – Казань, 2002. – С. 429-434.
144. Н. Христианство и язычество в Газе в конце IV в. // Русский Паломник. 1896. № 15-16.
145. Негин А.Е. Христианская символика в римской армии IV в. // Проблемы антиковедения и медиевистики. – Вып. 2. – Н. Новгород, 2006. – С. 144-152.
146. Нессельштраус Ц.Г. Искусство Раннего Средневековья. – СПб., 2000. – 384 с.
147. Нечаева Е.Н. О посольствах и политическом общении на позднеантичном Западе // Мнемон. 4. – СПб., 2005. – С. 497-507.
148. Новицкая К.И. Defensor civitatis // ВДИ. 1965. № 2.
149. Новицкая К.И. Отражение социальной структуры позднеримского общества на судопроизводстве // ВДИ. 1968. №4.

150. Османкина Г.Ю. Мировоззренческие основы формирования раннехристианской культуры Византии в IV-VI вв. – Автореф. канд. дисс. – Нижневартовск, 2000.
151. Парфенова Н.В. Геркулес и Юпитер против Христа: битва при Фригиде (394 г.) // www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/vseob.hist/viip/docs/01.pdf
152. Парфенова Н.В. Язычники в осажденном Риме (408-410 гг.) // АМА. XII. – Саратов, 2006. – С. 253-262.
153. Петрова М.С. Грамматическая наука в поздней античности и средние века: Ars minor Доната // Диалог со временем. 1. 1999.
154. Петрова М.С. Интеллектуальная традиция на рубеже античности и средневековья. Макробий Амвросий Феодосий / Дисс. ... к.и.н. – М., 1998.
155. Петрова М.С. Макробий и его метод цитирования латинских авторов // Диалог со временем. 7. 2001.
156. Петрова М.С. Марциан Капелла (просопографический очерк) // Диалог со временем. 2. 2000.
157. Петрова М.С. О литературных жанрах поздней античности (на примере произведений Макробия) // Диалог со временем. 10. 2003.
158. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – М., 2004.
159. Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. – М., 2001.
160. Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. – СПб., 1999.
161. Покровский Н.В. Происхождение древнехристианской базилики. – М., 1889.
162. Попова О.С. Изобразительное искусство // Культура Византии. IV – первая половина VII в. – М., 1984.
163. Пржигодзкая О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары // Мнемон. 5. – СПб., 2006. – С. 457-464.
164. Пржигодзкая О.В. Церковные историки Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит Киррский о германцах и аланах // Мнемон. 4. – СПб., 2005. – С. 423-434.
165. Ревилль Ж. Религия в Риме при Северах. – М., 1898.
166. Редин Е.К. Мозаики равеннских церквей. – СПб., 1896.
167. Репников Н.И. О датах базилик Крыма / Архив ИИМК. Ф.10. Оп. 1. Д.3.
168. Розенталь Н.Н. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи // Сб. науч. работ ист. ф-та Одесского гос. ун-та. – Вып. 49. Т. 2. – Одесса, 1949.
169. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1914.
170. Рубцова М.В. Гражданская администрация Поздней Римской империи в изображении Аммиана Марцеллина // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул, 2005. – С. 80-94.
171. Рубцов П.В. К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул, 2005. – С. 70-79.
172. Рубцов П.В. Некоторые аспекты позднеантичной политической теории IV в. н.э. // Античная история и классическая археология. – Вып. 2. – М., 2006. – С. 222-233.
173. Рубцов П.В. Стихион в произведениях Клавдиана // Власть, политика, право в античности и средневековье. – Барнаул, 2003. – С. 59-61.
174. Рудакова О.Г. Символика мозаичных полов Херсонеса Таврического // История глазами молодых ученых. – Т. 1. – Донецк, 1999.
175. Рудоквас А.Д. О законодательстве против язычества императора Константина Великого // Античный мир. Проблемы истории и культуры. – СПб., 1998.
176. Румянцев А.И. Взаимоотношения римлян и варваров по «Житию святого Северина» // Antiquitas ivventae. III. – Саратов, 2007.
177. Рябцева М.Л. Центр и периферия в эпоху упадка цивилизации (Боспор во время Великого переселения народов) // Гуманитарная наука в современной России: со-

- стояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т. 1. – Белгород, 2007. – С. 155-162.
178. Рябцева М.Л. Боспор Киммерийский и готы в конце III – VI вв. // Ломоносов-2007. М.: МГУ, 2007 [Электронный ресурс].
 179. Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. 13. 2004.
 180. Селунская Н.А. «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires unlimited» // ВДИ. 2005. № 1.
 181. Серов В.В. К образу правителя в ранневизантийских источниках: оценка едой // Власть, политика и идеология в истории Европы. – Барнаул, 2005. – С. 102-114.
 182. Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. – Пермь, 1975.
 183. Смирницких Т.В. К вопросу о соотношении «женских» и «мужских» текстов в ранневизантийской агиографии // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Вып. 3. – Белгород, 2006. – С. 105-107.
 184. Смирницких Т.В. Императрица Феодора: образ и реальность // www-history.univer.kharkov.ua/sno/sno_konf_files/sno_konf_59/smirnickih.htm [Харьков, 2006]
 185. Смирницких Т.В. Монастыри Юго-Западной Таврики в контексте ранневизантийской культуры // Могилянські читання 2005. – Київ, 2006. – С. 56-62.
 186. Смирницких Т.В. Источниковедческие проблемы истории частной жизни женщины в ранневизантийский период (IV-VI вв.): агиография // Власть и общество: история взаимоотношений. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 32-33.
 187. Смирницких Т.В. Латинский пласт культуры ранней Византии: специфика и сферы распространения // Мир Византии. – Белгород, 2007. С. 25-27.
 188. Смирницких Т.В. Частная жизнь женщины в ранневизантийский период (IV-VI вв.): источниковедческие проблемы // Мир Византии. – Белгород, 2007. С. 63-66.
 189. Смирнов Я.И. Христианские мозаики Кипра // ВВ. 1897. Т. 4.
 190. Сорочан С.Б. Византия IV-IX вв.: этюды рынка. – Харьков, 1998; 2-е изд. 2001.
 191. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. - Харьков, 2005.
 192. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2001.
 193. Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002.
 194. Тафт Р. Византийский церковный обряд. – СПб., 2000.
 195. Тимофеева Д.Г. Устройство монастырей Византии в период с III по VIII вв. // Сборник научных работ студентов исторического факультета. - Вып. 2. - Белгород, 2002. - С. 100-104.
 196. Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991.
 197. Томпсон Э.А. Римляне и варвары. – М., 1996.
 198. Труфанов А.А. Символ в раннехристианском изобразительном искусстве // Православные древности Таврики. – К., 2002.
 199. Уваров А.С. Христианская символика. – М., 1908 (М.-СПб., 2001).
 200. Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. - М., 1989.
 201. Уколова В.И. Кассиодор и средневековая культура // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. – М., 1983.
 202. Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. – М., 1992.
 203. Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1.
 204. Успенский Ф.И. История Византийской империи. – Тт. 1-3. – М., 1996-1998.
 205. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. – М., 1977.
 206. Фармаковский Б.А. К изучению Перещепинского клада. Блюдо епископа Патерна // ИАК. 12. – СПб., 1913.

207. Федорова Е.А. Люди императорского Рима. – М., 1990.
208. Ферреро Г. Гибель античной цивилизации. – Киев-Лейпциг, 1923.
209. Финлей Дж. Греция под римским владычеством. М., 1877.
210. Фихман И.Ф. Государство и цены в византийском Египте // ВВ. Т.52. – М., 1991.
211. Фихман И.Ф. Оксиринх – город папирусов. – М., 1981.
212. Флоровский Г. Восточные отцы IV в. – Париж, 1931 (репринт М., 1992).
213. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. - М., 1980.
214. Фюстель де Куланж И.Д. История общественного строя древней Франции. Т 2. - СПб, 1901.
215. Фюстель де Куланж Н.Д. Римский колонат. - СПб., 1908.
216. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - М., 2002.
217. Чекалова А.А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. Т.50. – М., 1989.
218. Чекалова А.А. К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. - М., 1991.
219. Чекалова А.А. Представления о знатности в Византии IV - I пол. V вв. // ВВ. Т.51. – М., 1990.
220. Чекалова А.А. Сенаторская знать ранней Византии. – М., 2000.
221. Черниенко Д.А. Гунны в Европе. – Ижевск, 2003.
222. Чехановец Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. 5. – СПб., 2006. – С. 421-456.
223. Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. – М., 2005.
224. Шичалин Ю.А. “Ужель свободны мы?..”// Греко-Латинский кабинет. №1. М., 1992.
225. Шкаренков П.П. Квинт Аврелий Симмах: риторика и политика // ВИ. 1999. № 7.
226. Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. – М., 2004.
227. Шкаренков П.П. Римский аристократ «эпохи упадка»: Квинт Аврелий Симмах // Диалог со временем. 6. 2001.
228. Шкаренков П.П. Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения Империи // Диалог со временем. 8. 2002.
229. Шкаренков П.П. «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. 2. 2000.
230. Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. – М., 1975.
231. Этингоф О.Е. Образ Богоматери. – М., 2000.
232. Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня // Православные древности Таврики. – К., 2002.
233. Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я. Лекифы с ликами святых из Северного Причерноморья (к вопросу идентификации образов) // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2001.
234. Якобсон А.Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. – М., 1963.
235. Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. XXI 1954.
236. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. – Л., 1983.
237. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. – Л., 1987.
238. Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М., 1973.
239. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – М.-Л., 1959.
240. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. – М.-Л., 1964.
241. Adams R.N. Energy and structure. – Austin-London, 1975.
242. Altheim F. Geschichte der Hunnen. - Bd. I-IV. - В., 1959-1960. – 463, 329, 322, 388 S.

243. Archeologicky institut N.P. Kondakova 1925-1952. Inventar fondu / L. Kopecka. – Praha, 1999.
244. Arjava A. *Women and Law in Late Antiquity*. Oxford, 1996.
245. Arnheim M. *The senatorial aristocracy in Late Roman Empire*. – Oxf., 1972.
246. Arrhweiler H. *Byzance: le pays et les territoires*. – L., 1976.
247. Arrhweiler H. *Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance*. – L., 1971.
248. Arrhweiler H. *L'ideologie politique de l'Empire Byzantin*. – P.: Presses Universitaires de France, 1975.
249. Arrhweiler H. *La Frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Byzance: le pays et les territoires*. – L.: Variorum Reprints, 1976.
250. Bagnall R.S., Cameron A., Schwartz S.R., Worp K.A. *Consuls of the Later Roman Empire*. – Atlanta, 1987.
251. Barnes T.D. *The new empire of Diocletian and Constantine*. – Cambr.-L., 1982.
252. Barsanti C. *L'exportazione di marmi dal Proconneso nelle regioni Pontiche durante il IV-VI secolo // Rivista dell'Istituto Nazionale dell'Archeologia e Storia dell'Arte*. – Ser. III, XII. 1989. – Roma, 1990. – P. 91-220.
253. Baynes N.B. *The Hellenistic Civilization and East Rome*. – Oxf., 1946.
254. Baynes N.B. *The Thought World of East Rome*. – Oxf., 1947.
255. Beševliev V. *Zur Kontinuität der antiken Stadte in Bulgarien // Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt*. II. – B., 1965. – S. 211-221.
256. Betsch W.E. *The History, Production and Distribution of Late Antique Capital in Constantinople*. – Ann Arbor, 1979. – 232 p.
257. Biernacki A.B., Klenina E. *Some remarks about the Episcopal residence of the V-VI AD in Novae*. – Sofia, 2001.
258. Blockley R.C. *The Fragmentary Classicizing Historians of the later Roman Empire*. - Liverpool, 1981. – V.1. - 334 p.
259. Blockley R.C. *The History of Menander the Guardsman*. - Liverpool, 1985.
260. Bóna I. *Das Hunnen-Reich*. – Budapest, 1991. – 432 p.
261. Bortoli-Kazanski A. *La repartition du marbre de Proconneso en Crimée a l'époque paleochretienne // Geographica Byzantina*. – P., 1981. – P. 55-65.
262. Bowersock G. *Hellenism in Late Antiquity*. – Ann Arbor, 1990.
263. Braund D. *Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship*. – L.-N.Y., 1984.
264. Brehier L. *Les Institutions de l'empire Byzantin*. – P.: A. Michel, 1970.
265. Briant P. *Etat et pasteurs au Mouen-Orient ancien*. – Cambr.-P., 1982.
266. Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire*. – Madison, 1992.
267. Brown P. *The Making of Late Antiquity*. – L., 1978.
268. Brown P. *The World of Late Antiquity. AD 150-750*. – L., 1971.
269. Bruhn J.-A. *Coins and Costume in Late Antiquity*. – Wash., 1993.
270. Burnett A. *The Coins of Late Antiquity AD 400-700*. – L.: British Museum, 1977.
271. Cameron A. *Continuity and Change in sixth-century Byzantium*. – L., 1981. – 268 p.
272. Cameron A. *Das späte Rom: 284-430 n. Chr.* – München, 1994.
273. Cameron Av. *The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600*. – L.-N.Y., 1993.
274. *Changing Cultures in Early Byzantium*. – Ashgate, 1996.
275. *Chronology of the Byzantine Empire*. – L.: Palgrave Macmillan, 2006.
276. Chuvín P. *Chronique des derniers païens*. – P., 1990.
277. Claude D. *Die byzantinische Stadt im 6 Jahrhundert*. – Munich: C.H. Beck, 1969.
278. Constantelos D.J. *Paganism and the State in the age of Justinian // Catholic Historical Review*. 50. 1964. - P. 372-380.
279. Corcoran S. *The Empire of Tetrarchs: Imperial Pronouncement and Government AD 284-324*. – Oxf., 1996.

280. Cormack R. The Classical Tradition in the Byzantine Provincial City. The Evidence of Thessalonike and Aphrodisias // *Byzantium and the Classical Tradition*. - Birmingham, 1981. - P.103-118.
281. Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum and Environs / Ed. G.R. Mack, J.C. Carter. – Austin: Institute of Classical Archaeology and NPTCh, 2003.
282. Cunliffe B. *Greeks, Romans and Barbarians: spheres of Interaction*. - L., 1988.
283. Dagron G. *Emperor et pere*. – P., 2000.
284. Dagron G. Le christianisme dans la ville byzantine // *DOP*. 31. 1977. – P. 4-15.
285. Dauphin Cl. Symbolic or Decorative? The Inhabited Scroll as a means of Styding some early byzantine mentalities // *Byzantion*. 48. 1978. – P. 10-34.
286. Demandt A. *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Iustinian. 284-565 n.* - München, 1989.
287. Dolger F. Die fruhbyzantinische und byzantinische beeinflusste Stadt (V-VIII Jahrhundert) // *PARASPORA*. 30 Aufsätze zur Geschichte, Kultur und Sprache des byzantinischen Reiches. – Munich: Buch-Kunstverlag Ettal, 1961. – S. 107-139.
288. Dunn A. The transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III-VII cc.): general and regional perspectives// *Byzantine and Modern Greek studies*. – Birmingham, 1994. – V.18. – P. 60-80.
289. Durliant J. *Magister militum – στρατηλάτης dans l'Empire Byzantin (VI-e – VII-e siecles)* // *BZ*. 1979. 72.
290. Edwards D.R. Jews and Christians at ancient Chersonesus: the Transformation of Jewish Public Space // *XC6*. 10. – Севастополь, 1999. – С. 162-165.
291. Elthon H. *Warfare in Roman Europe AD 350-425*. – Oxf., 1996.
292. Emetz I.A. Early Christianity in the Kingdom of Bosphorus // *Эпиграфический вестник*. 1. - М., 1995. – С. 3-15.
293. Evans J.A.S. *The Age of Justinian: The circumstances of the imperial power*. – L.-N.Y., 1996.
294. Fornasier J., Böttger B. *Das Bosphoranische Reih*. – Mainz am Rhein: Phillip vom Zabern Verlag, 2002.
295. Foss C. *Ephesos after Antiquity. A Late Antiquity, Byzantine and Turkish City*. – Cambr., 1979.
296. Foss C., Winfield D. *Byzantine fortifications*. – Pretoria, 1986.
297. Fowden G. Bishops and Temps in the Eastern Roman Empire AD 320-435 // *Journal of Theological Studies*. N.S. 29. 1978. - P.53-78.
298. Frolova N.A. *The Coinage of the Kingdom of Bosphorus AD 242-341/2*. – Oxf.: BAR, 1983.
299. Fuhrmann M. *Rom in der Spätantike. Portrat einer Epoche*. – Zurich, 1994.
300. Gaidukevič V.F. *Das Bosphoranische Reich*. – B.-Amsterdam, 1971.
301. Geffcken J. *The Last Days of Greco-Roman Paganism*. – Amsterdam, 1978.
302. Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411-533*. – Cambr. CUP, 2003.
303. Godlovski K. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe*. – Krakow, 1970.
304. Goodenough R.R. The Bosphorus Inscriptions to the Most High God // *The Jewish Quarterly Review*. – V. 47. – 1956. – P. 221-244.
305. Goffart W. *Barbarians and Romans. AD 418-584: The Techniques of Accomodation*. – Princeton, 1980.
306. Goffart W. *Rome's Fall and after*. – L., 1989.
307. Grabar A.N. *Christian Iconography: Study of its Origins*. – Princeton, 1980.
308. Grabar A.N. *L'art de la fin de l'antiquite et du Moyen Age*. – 3 Vol. – P., 1966.
309. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity Fourth to Sixth Century AD*. – Leiden, 2003.

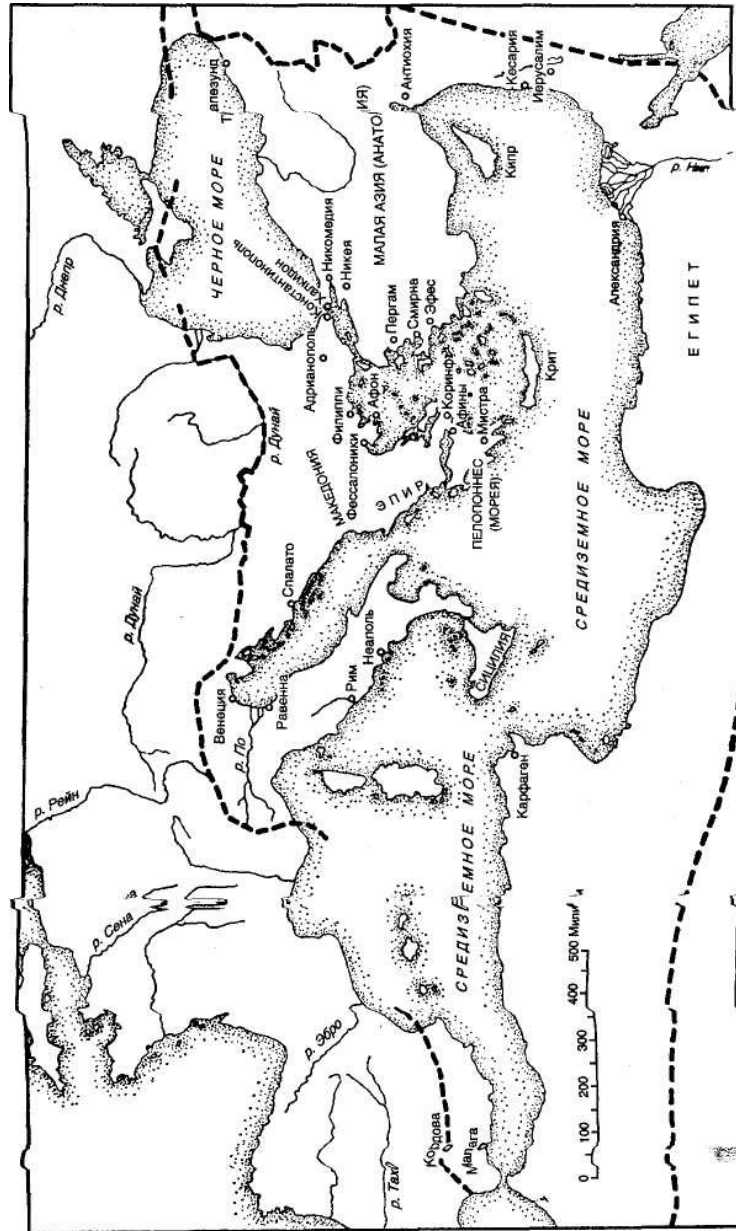
310. Grierson Ph. *Byzantine Coinage*. – Washington: Dumbarton Oaks Research Library, 1999. – 66 p.
311. Guiland R. *Recherches sur les institutions byzantines*. – Berlin-Amsterdam, 1967. – T.I. – 400 p.
312. Halkin F. *La passion des sept eveques de Cherson (Crimee) // Analecta Bollandiana*. – Vol. 102. – 1984.
313. Hanfmann G.M.A. *The continuity of classical art: culture, myth and faith // A symposium «Age of Spirituality»*. – N.Y., 1980. – P. 75-99.
314. Harmatta J. *The Dissolution of the Hun Empire*. – V.I: *Hun Society of the Age of Attila // Acta Archaeologica*. – Budapest, 1952.
315. Harris J. *Law and Empire in Late Antiquity*. – Cambr., 1999.
316. Harrison T. *Madaba: Cultural Heritage*. – Amman, 1996.
317. Hayes J.W. *Late Roman Pottery*. - L., 1972.
318. Hayes J.W. *Supplement to «Late Roman Pottery»*. - L., 1980.
319. Heather P., Moncur D. *Politics, Propaganda and Empire in the Fourth Century*. – Liverpool, 2001.
320. Hirschfeld O. *Die kaiserlichen Verwaltungen bis auf Diocletian*. – B., 1905.
321. Hopkins M.K. *Eunuchs in Politics in the later Roman Empire // Proceeding of Cambridge Philological Society*. - CLXXIX (№ 5. IX). 1963. - P.62-89.
322. *Interpreting of Late Antiquity: essays on the Postclassical World*. - Cambr. Mass., 2001.
323. Isaac B. *The Limits of Empire. The Roman Army in the East*. - Oxf., 1992.
324. Jaszewska E. *Ephesos und Chersonesos in spätantike und frühbyzantinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // Rivista di Archeologia Cristiana*. LXXV, 1-2. - 1999. – S. 475-520.
325. Jones A.H.M. *The Decline of the Ancient World*. - L., 1966.
326. Jones A.H.M. *The Later Roman Empire*. – V. I-III. – L., 1964. – 1068 p. (repr. 1992).
327. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. - Part I. – AD 260-365. – Cambr., 1971.
328. Kautzsch R. *Kapitellstudien: Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten von vierten bis siebenten Jahrhundert*. – B., 1970.
329. Kazanski M. *Les Germains orientaux au Nord de la Mer Noire pendant la seconde moitié du V-e s. et au VI s. // МАИЭТ. V*. – Симферополь, 1996. – С. 304-337.
330. Kazanski M. *Les Goths (I-VII siecles ap J.-C.)*. - P., 1991.
331. Kazhdan A., Cutler A. *Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz.* 1982. 52.
332. Kelly Ch. *Ruling the Late Roman Empire*. – Cambr. (Mass.). – L., 2004.
333. Khazanov A.M. *Nomads and the outside world*. – Cambr., 1984.
334. Kitzinger E. *The Hellenistic Heritage in Byzantine Art // DOP*. 1963. – Vol. 17. – P. 95-117.
335. Kopeska L., Dandova M. *Nikodim Pavlovic Kondakov (1844-1925) // Literarni archiv Pamatniki Narodniho Pisemnictvi v Praze. Slovansky Ustav*. – Praha, 1995.
336. Krauthasimer R., Surcic S. *Early Christian and Byzantine Architecture*. – Harmondsworth: Penguin Books, 1985.
337. *La noblesse Romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siecle*. – P., 1995.
338. *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World / Ed. Bowersock G.W., Brown P., Grabar O*. - Cambr. Mass.-L., 1999.
339. Liebeschuetz J.H.G.W. *Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. – Oxf.: Clarendon Press, 1991.
340. Lieu S.C. *From Constantine to Julian: Pagan and Byzantine Views*. – L., 1996.
341. Maenchen-Helfen O.J. *The world of the Huns*. – Berkeley – Los Angeles: CUP, 1973.
342. Matthews J. *Western Aristocracies & Imperial Court AD 364-425*. – Oxf., 1975.

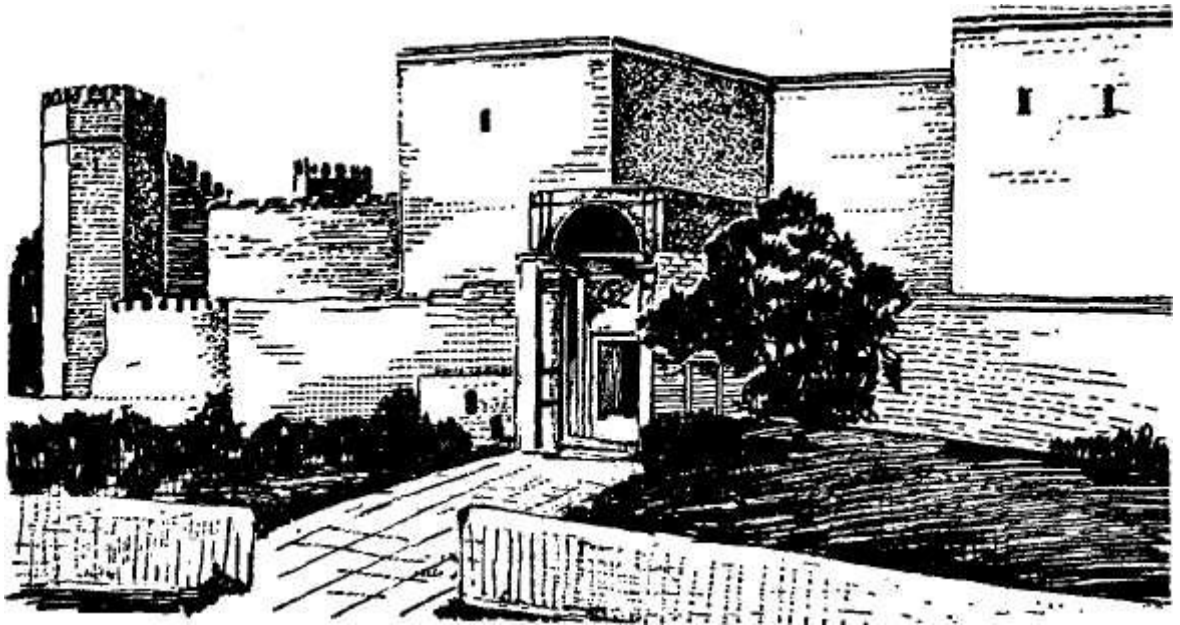
343. Mazal O. Justinian I und seine Zeit. Geschichte und Kultur des Byzantinischen Reiches im 6 Jahrhundert. – Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 2001.
344. McGeachy J.A. Q.A. Symmachus and the Senatorial Aristocracy of the West. – Chicago, 1942.
345. McCormack S. Art and Ceremony in Late Antiquity. – Berkeley-Los Angeles, 1981.
346. Millar F. The Roman Empire and its Neighbours. – N.Y., 1981.
347. Minns E. Scythians and Greeks. – L., 1913.
348. Müller-Wiener W. Von der Polis zum Kastion // Gymnasium. 1986. - V.93. - S. 435-465.
349. Mundell Mango V. Silver from Early Byzantium. The Kaper Koraon and Related Treasure. – Baltimore, 1986.
350. Nadel B. Literary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosphoran kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // Annales littéraires de l'Université de Besançon. – P., 1977. – P. 89-105.
351. Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congress International d'Etudes byzantines. – V.1. – Belgrade, 1964. – P. 122-134.
352. Ostrogorsky G. Byzantine Cities in the Early Middle Ages // DOP. 13. 1959. – P. 47-61.
353. Ovadia A. Geometrical Floral Patterns in Ancient Mosaics. – Rome, 1980.
354. Picirillo M. The Mosaics of Jordan. – Amman, 1997.
355. Polanui K. The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires. – Glencoe, 1957. – P. 262-279.
356. Puchett E.S. Latin writers of the Fifth Century. – N.Y., 1930.
357. Randsborg K. The first Millenium AD in Europe and the Mediterranean. An archaeological essay. – Cambr., 1991.
358. Reallexicon zur Byzantinischen Kunst. – Stuttgart, 1963-1967.
359. Remondon R. La crise de L'Empire de Aurel a' Anastase. - P., 1964.
360. Riche P. Education et culture dans l'Orient barbare. IV-VII siecle. – P., 1995.
361. Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. – L., 1985.
362. Salamon M. The Chronology of Gothic Incursions into Asia Minor in the III century AD // Eos. V. 59. 1971. – P. 109-139.
363. Seeck O. Geschichte des Unterganges der antiken Wrld. 2 Aufl. Bd. I-VI. – Stuttgart, 1920-1922.
364. Shchukin M., Bazhan I. The Cloisonné style: Danubian, Bosphorian, Georgian or Sassanian? // Acta archaeologica. – København, 1994. – V.65. – P.233-248.
365. Shils E. Center and periphery: Essays in Macrosociology. – Chicago: The University of Chicago Press, 1975.
366. Smedley J. Archaeology and the History of Cherson: A survey of some results and problems // 'Αρχαιον Ποντου. T.35. 1979. – P.172-192.
367. Snyder J. Medieval Art: painting, sculpture, architecture. 4-14 century. – N.Y.: Harry N. Abrams, Inc., Publishers, 1989.
368. Sodini J.-P. Le commerce des marbles a l'epoque protobyzantine // Hommes et richesses dans l'Empire Byzantin. – T.1 (IV-VII siecle). – P., 1989. – P. 163-186.
369. Southern R., Dixon K.R. The Late Roman Army. – L.-New Haven, 1996.
370. Tainter J. The Collapse of Complex Societies. – Cambr.: CUP, 1989.
371. Teiral J. Mahren in 5 Jahrhundert. – Praha, 1973. – 167 S.
372. The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century: Essays / Ed. by A. Momigliano. – Oxf., 1963.
373. The Prosopography of the Later Roman Empire. - Part II. - AD 365-526 / Ed. by Martindale J.R. - Cambr., 1980.
374. The Prosopography of the Later Roman Empire. - Part III. - AD 527-641 / Ed. by Martindale J.R. - Cambr., 1992.
375. Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. – Oxf., 1948.
376. Ukolova V. The last of Romans and European Culture. – M., 1989.

377. Weiss G. Antike und Byzanz: die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // Historische Zeitschrift. – B.224. – B., 1977. – S. 520-560.
378. Weitzmann K. Greek Mythology in Byzantine Art. – Princeton, 1951.
379. Weitzmann K. The Classical in Byzantine Art as a Mode of of Individual Expression // *ibid.*: Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. – Chicago-L., 1971. – P. 126-150.
380. Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // DOP. 1960. – V. 14. – P. 43-68.
381. Werner J. Beiträge zur Archeologie des Attila-Reiches. – München, 1956.
382. Matzulewitsch L. Byzantinische Antike. - B.-L., 1929.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Восточная Римская империя в VI в.

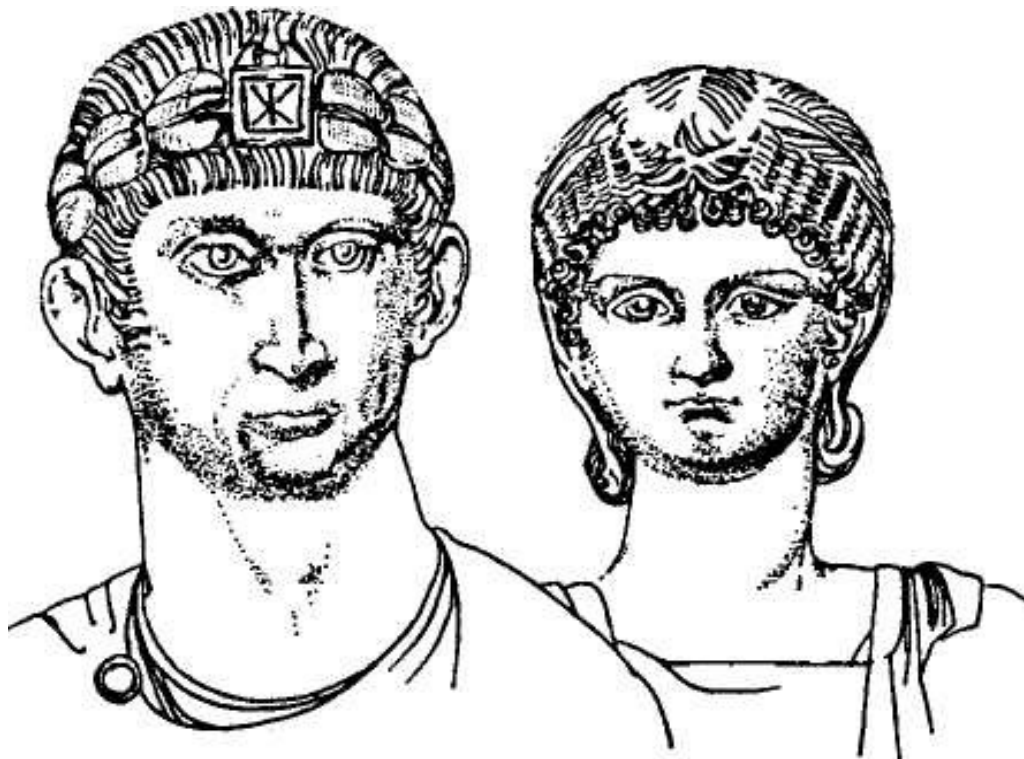

2. Золотые ворота и часть земляного вала Константинополя.

3. Обручальное кольцо.

4. Гонорий и Мария (нач. V в.).

5. Мозаика из Константинополя. V в.

6. Серебряное блюдо VI в. с античным мифологическим сюжетом.

7. Император Юстиниан, епископ Максимиан, императрица Феодора. Равеннская мозаика VI в.